

ФЭНТЕЗИ-БЕСТСЕЛЛЕР

Татьяна ФОРШ

КАК НАЙТИ
ФЕНИКСА

Татьяна Алексеевна Форш

Как найти Феникса

Серия «Феникс», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17086726

*Форш, Татьяна Алексеевна. Как найти Феникса : фантастический роман: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-85657-2*

Аннотация

Вот так и бывает в жизни! Не угадаешь, за кого замуж угодишь! Вроде и богатый, и красивый, и положительный, а чуть копни – тайн по жизни больше, чем у меня в шкафу платьев! Но не буду я настоящей принцессой Василисой Премудрой, если не узнаю, как моего дорогого супруга по-настоящему кличут-величают, как он, в конце концов, действительно выглядит и чего от него ждать. Правда, для этого его, в одночасье пропавшего в какой-то Тьмутаракани, сначала надо найти.

А может быть, даже и спасти придется. Но что не сделаешь во имя любви! Ну и... для удовлетворения любопытства.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	42
Глава 3	65
Глава 4	88
Глава 5	114
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Татьяна Форш

Как найти Феникса

© Форш Т., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Где-то в Пекельном мире...

Каменные ступени уходили вверх и растворялись в кружащемся пепельном мареве. Узник в миллионный раз пересчитал их. Ровно двадцать семь. Если бы клетка, в которую его заточили, не лишала колдовских сил, он бы уже давно позабавился, сделав количество ступеней больше. Гораздо больше! Чтобы его враг спускался к нему так долго, как только это возможно!

Вот интересно, а Пепельный заметил бы такую вольность? Узник почесал заросшую жесткой щетиной щеку.

Вряд ли! За эти бесконечные дни его мучитель не вспоминал о нем ни разу.

Взгляд с тоской скользнул по изгибам черных гор, клочку серого неба, видневшемуся из проклятой клетки.

Проклятый мир!

Мир рабов. Мир чудовищ. Мир Пепельного демона...

Узник в отчаянии стиснул прутья решетки и прикусил губу, разглядывая свои изъеденные огненными язвами руки. Он уже привык к огню, сжигавшему его изнутри, потому что боль, уничтожавшая его душу, была гораздо сильнее.

– Все бы отдал, только бы узнать, как она, что с ней.

– А «встань передо мной» – кто говорить будет? – Перед глазами появилось крохотное белое облачко, из которого вылепился странный горбатый конь размером чуть больше мухи и, наворачивая круги перед носом онемевшего от изумления заключенного, принялся ехидно зудеть. – Значит, «все отдать» мы согласны, а по форме это сделать – не судьба?

– Ко... ко... ко... – От удивления узник начал заикаться, а крылатая бестия тут же подлила масла в огонь.

– Может быть, по-куриному это прозвучало бы именно так, но... сделка есть сделка! Ник, если это ты – дай знак. А то я тут шпионом заделалась, уже неделю по клеткам летаю да мысли подслушиваю. Ведь по-другому не понять, кто есть кто. Все такие красавчики – аж оторопь берет! У твоего хозяина, видимо, пунктик на том, чтобы сделать других еще страшнее, чем он сам. Хотя вряд ли такое возможно.

– Кобылка?! – наконец выдохнул узник, обретя дар речи, и тут же с опаской огляделся. Ну и что, что его клетка стоит на пустынной площадке, за которой растворяющаяся в сером тумане пропасть – надо быть осторожнее! Иногда он даже чувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. Впрочем, «чей» – нетрудно догадаться! Либо Пепельного, либо его стражей. – Откуда ты здесь?! Я тебя не вызывал, – едва слышно шепнули его губы.

– Так вызови! – не таясь, громко фыркнуло крылатое нечто. – И все оформим в лучшем виде! Так сказать, без за-

интересованных в тебе посредников!

– Ты сейчас о ком?

– Как о ком? О подопечном моем! Я ему бонусом это желание оформила, а попутно контракт продлила! Или забыл, что я, Кобылка-горбылка, тружусь и днем и ночью, желания таким, как вы, обалдуям фактически за «спасибо» выполняю?

– Ты о Борьке?! – Ртутные глаза пленника загорелись радостью, едва он подумал о жеребце, принадлежавшем жене. Василисе... Как там они? Ведь и попрощаться не успели, когда Пепельный демон унес его в свою преисподнюю¹. – А что он пожелал?

– Тю! Что-то ты, батенька, в этом подземном царстве-государстве тупеть начал! – Крылатая «конемуха» на бреющем полете заложила мертвую петлю и, устроившись у пленника на переносице, поучительно зазудела: – Пожелал он тебя найти! Ну и попутно выведать все: как жизнь, как здоровье. Кстати, может, ты о Василисе чего узнать хочешь?

– Больше жизни! – забыв об осторожности, выпалил тот.

– Тогда учи слова вызова. – Кобылка на мгновение насто-роженно замерла и, пискнув: «Жду ответа, как соловей лета!» – с легким хлопком исчезла.

Узник потер переносицу, все еще не веря в произошед-

¹ О том, что случилось с героями этой истории до знаменательной встречи Ника и Кобылки-горбылки в магической тюрьме Пепельного, читайте в книге «Как выйти замуж за Феникса». (Примеч. авт.).

шее. О нем не забыли! Его ищут! Его помнят!

– С кем это ты тут говорил? – Раздавшийся в пустоте вкрадчивый голос заставил Ника поспешно отойти от решетки. Затаив дыхание, он хмуро стал разглядывать мучителя.

Пепельный! Его высокая, закутанная в черный плащ фигура появилась на верхней ступеньке лестницы, точно соткавшись из кружащегося в воздухе пепла. Выжженные бельма глаз холодно уставились на пленника. Капюшон не скрывал его уродства, выставляя на обозрение огненные язвы, испещрившие лицо.

Ник поморщился. Сейчас он и сам выглядит не лучше. Из-за черного ритуала Пепельного он постепенно терял свою внешность, становясь его подобием, как все его рабы. А если он таким останется навек? Будет ли Василиса его любить? Да чего там любить... будет ли помнить его таким, каким он был прежде?

– С кем ты говорил, раб? – Пепельный повысил голос и принялся медленно спускаться, с каждым шагом приближаясь к нему.

– Со своими мечтами! – буркнул Ник, вжимаясь в каменную стену. Терять уже больше нечего! Вряд ли Пепельный пришел к нему просто поговорить. – Ты сделал все, чтобы у меня не было собеседников...

– Я не совершу дважды одной и той же ошибки! Один раз я уже позволил тебе сбежать... – Его мучитель спустился еще на пару ступеней, вскинул в сторону пленника руку и,

кривя в ухмылке тонкие обожженные губы, стиснул пальцы в кулак, будто сжимая что-то невидимое.

Ник скрипнул зубами, чувствуя, как кровь, струившаяся по венам, взбурлила, превращаясь в лаву, выгрызающую на коже огненные узоры, будто стремилась выплеснуться в этот мир, и рухнул на каменный пол.

– Тебе никогда отсюда не выбраться! Через сотню-другую лет о тебе забудут! Ты сам забудешь, как тебя зовут! Слышишь меня, раб? Но для начала я приготовлю тебе персональную пытку... Как думаешь, твоя ненаглядная Василиса согласится скрасить этот мрачный мир? За то время, пока я искал украденное тобой у меня кольцо, я даже как-то привык к ней... – Кулак мучителя сжался еще сильнее. – Ты не достоин ее! Ты не ценишь тот дар, что она дает тебе! Дар быть живым!!!

Но пленник его уже не слышал. Теряя сознание от невыносимой боли, он продолжал шепотом повторять то единственное, что возвращало ему желание жить.

О нем не забыли!

Его ищут!

Его помнят!

Глава 1

– Эх, жарко-то как... – Афанасий запрокинул голову, прищурился, разглядывая раскаленный белый шарик, упрямо сопровождающий нас вот уже какой день, и ругнулся. – Чтوب тебя! Уже и из проклятущей Шамаханской пустыни вырвались, а на небе ни облачка!

Жеребец Борька обернулся, косо взглянул на нас черным глазом и, шумно вздохнув, поплелся вперед.

Все его мысли стали понятны даже без слов: «Дармоеды, захребетники! Только стонать и можете! Вам-то хорошо на моей спине, а каково мне?» И это если тактично пропустить несколько неместных эпитетов и вызвания к нашей совести, какие бы непременно последовали, обрети он дар речи снова. Эх, хорошо-то как было, пока он мог говорить! Пока Пепельный не сделал из него молчаливое перевозочное средство, а из меня, царской дочки, – бродягу, которая уже и не знает, приведет ли нелегкая ее домой... Меньше всего повезло моему мужу Никите! Его Пепельный забрал в свое царство, и я буду не я, если его не найду и не освобожу.

– Ничего, Борька, еще пару дней – и даст бог, доберемся до папенькиного царства-государства! – Я похлопала верного друга по загривку. Единственное, что есть сейчас у нас – это надежда и вера, что все будет хорошо! – А пока двигай во-он к тем стогам, что на пригорке стоят.

Борька снова вздохнул, но уже не так печально, и прибавил шаг.

Подозрительное дымное марево накатило внезапно, заставив меня закашляться, а едва мы поравнялись со стогами, к дымной горечи добавился сладковатый запах свежего жаркого. Вот только желудок, вместо того чтобы издать голодный вопль, подпрыгнул к горлу, заставляя меня давиться тошнотой.

– Что там горит? – Я прищурилась, вглядываясь в дымную завесу. Постепенно она становилась все гуще и гуще, скрывая за собой все... ну, или почти все, что осталось от построек после случившегося здесь пожара. – Мне кажется, местность какая-то знакомая... – Старательно повертев головой, я подметила привычные очертания колодцев, прятавшихся за стогами, не тронутыми огнем.

– Насколько я могу быть уверенным... – Афанасий, или Афон (когда-то он был Змеем Подгорным, превращенным в чудище Пепельным, но после нашей встречи с ним и произошедших с Афоном перемен язык не поворачивался обзывать его пресмыкающимся), тоже внимательно огляделся и указал на колодцы. – Я знаю только три деревни, которые всегда славились чистой родниковой водой. И при въезде в них путники могли отведать этот нектар богов.

– Да. Я поняла, что ты хочешь сказать. Это пожарище и есть деревня Колодцы. Вопрос – какие? Большие, Средние или?..

– Если судить по небольшому количеству как колодцев, так и домов – это Малые Колодцы. Были... Что скажешь?

Хм...

Я помолчала, разглядывая остовы домов.

– Если бы я оказалась тут несколько дней назад, то, совершенно не смущаясь, свалила бы всю ответственность за произошедшее на Пепельного, а сейчас... Даже и не знаю, что можно предположить. А если наведаться в деревню? Все равно кто-нибудь да выжил. Вот и узнаем, что произошло...

– Не возражаю... – Афанасий шустро спрыгнул с жеребца, тут же ойкнул, подержался за спину и смачно потянулся. После разминки взялся за поводья, готовый вести нас с Борькой к пепелищу, как вдруг жеребец заупрявился, уперся передними ногами в кочку и отчаянно замотал головой, не забывая ритмично притопывать задними копытами.

– Опять коняшка-морзяшка? – Я подозрительно нахмурилась, наблюдая за Борькиным танцем, но... Все же этот странный язык лошадиных «жестов» был лучше, чем полная неспособность к общению нашего друга, а по совместительству средства передвижения.

Афанасий помолчал, не сводя глаз с приплясывающего коняги. И забормотал:

– Какого лешего мы поперлись на это пожарище? Может, решили у халявного костра погреться? Или грабежом заняться? Да что тут говорить, совсем без Ника распоясались! Особенно некоторые!

– Афон, тебе плохо? Дыма надышался? – сочувственно поинтересовалась я, про запас держа мысль о том, что он всего лишь переводит на человеческий язык Борькины пляски. Его ответ не заставил себя ждать и подтвердил догадку.

– Мне-то хорошо. Просто озвучиваю мысли нашего друга. – Афанасий дождался, когда жеребец наконец-то успокоится, и грустно улыбнулся. – Хотя мне нравилось куда больше, когда ему не требовался перевод! Все вспоминаю, как он мне о пользе вегетарианства вещал, когда я его у своей пещеры примотанным к дереву обнаружил. Эх...

Борька решил поддержать воспоминания и снова начал притопывать, но я решительно прервала их ностальгический диалог:

– Значит так! Переведи этому ущербному, что его дело копытами передвигать и желательно в ту сторону, в какую велят! А не нравится – завсегда можем Пепельного вызвать, чтобы он его тоже в тартарары забрал!

Афанасий с готовностью открыл рот, чтобы повторить мои слова жеребцу, но, поняв бессмысленность действия, только виновато развел руками. Борька обиженно фыркнул и, гордо подняв голову, направился в сторону пожарища, всем видом показывая, *что* он думает о моем ответе и вообще о таких, как я.

Я встретила с укоризненным взглядом Афона и, ничего не ответив, зашагала вслед за Борькой.

Что ж, так проще. Не готова я сейчас слышать о Нике.

Ни-че-го! Хотя... интересно, а его вправду зовут Никита Заречный? Тогда почему его называют Феникс? Для красного словца? Или... Да какая теперь разница! Еще неизвестно, найдем ли мы муженька моего...

Хотя Афанасий сказал, что найдем...

– Что же тут такое произошло? – Афон остановился и, прислонив ладонь козырьком ко лбу, внимательно огляделся. Впрочем, искать ответы среди этих дымящихся, обугленных и порушенных лачуг было бессмысленно. В глазах потемнело, острая боль скрутила живот и... Не знаю, что в ту минуту со мной произошло, но пока длился приступ, я будто ощутила страдания и ужас погибающих, слышала предсмертный вой обреченных.

И словно очнулась. Осмотрелась и, избегая взгляда Афона, как можно равнодушнее произнесла:

– Пожар здесь случился! Что же еще? Смотри... – Я хотела указать на уцелевшее капище, куполами устремившееся в небо, и предложить поискать там выживших, но меня снова скрутила боль. Да еще какая! Охнув, я рухнула на колени, пытаюсь обуздать вышедшее из повиновения тело. Теперь я знаю, что чувствует несчастный, который вместо воды вдруг решил глотнуть расплавленного свинца!

– Василиса?! – Ко мне подскочил Афанасий, и даже Борька, жевавший в отдалении траву с темно-серым налетом пепла, почуял неладное и в два прыжка преодолел разделяющее нас расстояние.

– Иго-го?!

Надо что-то сказать! Надо успокоить друзей!

Едва сдержав стон, я попыталась выдавить из себя внятное объяснение, раскрыла рот, да так и замерла, разглядывая необычное видение, полностью заслонившее собой картину пожарища. Я четко увидела еще дымящиеся руины дома, рядом с покривившейся на один бок яблоней, на удивление совершенно не пострадавшей от огненной стихии. Более того, моя фантазия до того разгулялась, что мне показалось, будто я могу видеть сквозь стены. Что я вижу подвал, а в подвале спрятавшегося за бочкой с квашеной капустой мальчугана лет семи.

– Василек?! – Афанасий сжал мои плечи. – Что с тобой?!

Боль, вместе с туманом видения, неохотно рассеялась, и я поняла, что смотрю в сочувствующие выпученные глаза Афона. Даже став человеком, он все равно неуловимо напоминал свою вторую ипостась.

– Никогда не называй меня так! – не то простонала, не то прокряхтела я, пытаюсь выбраться из кольца его рук.

– Ах, да-да! – спохватился он, но руки не убрал, а поднял меня на ноги. И только убедившись, что я стою и падать не собираюсь, отстранился, но встал так, чтобы можно было меня в любой момент подхватить. – Кажется, тебе не нравится, когда тебя так называют?

– Не нравится... – Я постояла, разглядывая пожарище, и, следуя какому-то наитию, свернула в ближайший проулок,

уходивший между пепелищ в дымное облако. Не знаю, что за видение меня посетило, но чую – не зря! Ну не зря меня так скукожило! А вдруг здесь и вправду найдется похожий дом, где в подвале прячется живой малыш?

– Вась, ты обиделась? Ну честно! Не хотел! Точнее, хотел, но не мог... Хотя, наверное, мог, но... И вообще – я дурень! Прости, а?

– Иго-го-го-го... – ехидно пропел ему в ответ Борька.

Интересно, что это могло означать на человеческом языке?

Нет, смысл я уловила, но вот обороты, синонимы, афоризмы, что рождаются в голове моего жеребца, так просто не придумашь! Их слышать надо!

– Афон, забудь, ладно? – отмахнулась я. – Можешь звать меня как хочешь, хоть чурбачком, только в огонь не кидай! Лады?

– Лады! – Афанасий ожил, в два шага догнал меня и вкрадчиво поинтересовался: – А куда ты идешь? Может, проще обойти с подветренной стороны? Там и дыма не так много...

Не останавливаясь, я мотнула головой.

– Нет, мне нужно туда. Потому что... – И запнулась, не зная, как сказать о своем странном видении. Подумав, скомкала объяснение: – Хочу, и все! А кому не нравится дым – никто не держит!

– Да нравится, нравится! – тут же замахал руками Афана-

сий и украдкой вздохнул. — Что-то я в последнее время ма-зохистом становлюсь...

— Иго-го? — уточнил Борька, поравнявшись с ним.

— И не говори... — вздохнул тот.

Какое-то время мы брели молча. Впрочем, желание говорить начисто отбивал густой едкий дым. В центре пожара-ща клубы дыма будто бы обретали плоть, становясь осязае-мыми. Они забирались в нос, заставляя заходиться в кашле, щипали глаза, делая нас почти слепыми. Боже, какая я дура, что повелась на какое-то там видение! Да мне наверняка от зеленых яблочек, нарванных вчера с дички, поплохело, а я себя уже в медиумы записала!

— Вась, не знаю, что тебя сюда понесло, но, кажись, мы деревеньку — того! Почти прошли! — прохрипел над ухом Афон и, вежливо подхватив под локоть, уверенно потащил вперед. — Вон ту яблоню минуем и поскачем дальше!

— Яблоню? — насторожилась я, пытаюсь разглядеть опозна-вательный знак сквозь дым. — Кривую?

— А... гм... тебе сильно важно, мимо какой яблони прой-ти? Ну... может, у тебя какая-нибудь примета... Например — семь лет счастья не будет, если, выползая из пожара, прой-дешь мимо кривой яблони.

Ну что ты будешь делать с этими волшебниками? Обяза-тельно подковырнуть надо, не разобравшись! Или, может, он считает, что я дыма перенюхала?

Я было хотела все это высказать, но тут до меня дошло:

– Кривой? Ты сказал кривой?!

– А я о чем? – Судя по настороженному голосу Афанасия, мой ответ подтвердил его худшие опасения. – Так какая разница?

Тут порыв ветра всколыхнул дымную муть, и я, не ответив, со всех ног бросилась вперед. Туда, где рядом с обгоревшим остовом лачуги высилось, наклоняясь ветками к дороге, непонятно как уцелевшее в этом пекле дерево.

– Ты что – смерти ищешь?! – Афанасий, надо отдать ему должное, медлил всего секунду, а затем кинулся за мной. Следом послышался ритмичный перестук копыт Борьки. – При чем тут эта яблоня?!

– Там, внизу, в подполе – ребенок! Не спрашивай, откуда я это знаю, просто поверь! – Перед деревом я остановилась и обернулась к Афону. – Сможешь расчистить путь к подвалу?

– Гм... – Афанасий подошел и с сомнением оглядел руины. – Расчистить? Да легко... было бы раньше, когда я был Змеем. А теперь ведь на такие фокусы магическую силу тратить надобно.

– И в чем проблема? – нахмурилась я. Каждая секунда на счету, а он цену набивает!

– Да ни в чем! – Афанасий смерил долгим приценивающим взглядом злосчастные остовы дома и снова посмотрел на меня. – Если не считать проблемой отсутствие в данный момент у меня физических возможностей моей второй ипостаси, а оттого грозящие мне непомерные затраты магиче-

ских сил. И не на что-нибудь, а на твои, весьма странные, фантазии.

– Ты мне не веришь! – подытожила я и, смело ступая по дымящейся, черной траве, направилась к пепелищу.

– Ну вот! Обиделась! Что за девушки нынче нервные пошли? – вздохнул Афанасий и бормотнул несколько тарабарских слов. Еще тлеющие бревна вдруг поднялись в воздух, отлетели немного в сторону и со страшным грохотом рухнули вниз, подняв клубы дыма, пепла и даже вырвавшийся в небо столб огня. – Прошу! Делайте что хотите, мадама, но если здесь не будет никакого подвала и никакого мальчика – вспомните мои слова!

«Интересно, какие и когда сказанные?» – отстраненно подумалось мне. Не затрудняясь ответом, я бросилась туда, где еще мгновение назад дымились остатки лачуги.

Найти в полу единственной комнаты заветный люк, заперенный пеплом, стало минутным делом. Афон, не отходивший от меня ни на шаг, тут же бросился его открывать.

– Эй? – позвала я, когда у моих ног заплескалась темнота. – Есть тут кто?

Тишина была нам ответом.

– Твоя взяла. Я просто надышалась дыма. – Криво усмехнувшись, я обреченно махнула рукой, давая приказ опускать крышку, но тут уже насторожился Афанасий.

– Мне показалось или я слышал шорох?

– Наверное, крысы... – Я передернула плечами, уже не ве-

ря ни во что, как вдруг из темноты показалась вихрастая, рыжая, как солнышко, голова. Голубые глаза уставились на нас с робкой надеждой, и маленькое «чудо» заявило:

– Я не крыса! Я – Митяй! А пожар уже закончился?

– Заканчивается, – ответил ему Афон таким тоном, словно он спрашивал о дожде.

– Хорошо! – важно кивнул тот и шустро начал карабкаться по лестнице. – А то упарился я тут сидеть.

– А чего ты решил тут отсидеться и не ушел со всеми? – Я протянула руку мальчишке и, вытянув, поставила его рядом с собой. – Или не успел?

– А никто не успел! – Митяй поднял на меня совсем недетские глаза, в которых застыла такая боль, что я все поняла и без продолжения. Но мальчишка продолжил: – Он налетел в рассветный час. Когда еще даже мамка корову доить не пошла. Верхом на чудище трехглавом. И ну давай деревню огнем поливать. Из пасти у чудища, как из лейки, огонь выплескивался! Я в окно увидел. Помню, как батя меня вместе с ведром воды и краюхой хлеба в подпол закрыл. Потом шум, крик, топот. И все стихло! Я долго тут сидел. А потом вы пришли...

Не сдерживая больше слез, он шмыгнул в кулак, утер мордашу рукавом и серьезно заявил:

– Спасибо, что выручили, но мне идти надобно.

Афанасий проникся серьезным видом рассказчика и, сдвинув брови, заботливо поинтересовался:

– И куда путь держать изволишь?

– В Колоколыцы, – тут же ответил мальчишка и с надеждой спросил: – А может, отведете меня? У меня там дед живет. Помоемся, переночуем.

– Почему бы и нет! – оживилась я, заметив сомнение на лице Афона, и, помня кое-какую странность в рассказе мальчонки, осведомилась: – А часто у вас бабайки на Змеях трехглавых летают да деревни жгут?

– Да нет. При мне такого никогда не было! – бесхитростно ответил Митяй и уточнил: – И никакой там не Бабайка сидел, а, как сказала мамка, сам Пепельный.

Я почувствовала, как меня изнутри будто приморозило, несмотря на пожар и жаркий день.

– Пе... Пепельный? А ты уверен, что правильно ее слышал? – Афон шагнул ближе и взял мальчишку за руку. – Ты его видел? Описать сможешь?

Пацан отчаянно замотал головой:

– Нет, только бок пролетающего змея в оконце! Но что это был Пепельный – не сомневайтесь! Мне маменька о нем легенды сказывала и повторяла, что, если когда-нибудь нагрянет Пепельный за страхом, молчать даже под угрозой ремня!

– И что это значит? – опешила я. – Что значит – «за страхом»? Пепельный сам себя давно в зеркало не видел?

Но мальчишку волновали другие проблемы:

– А то! Что может быть хуже ремня? Хворостина и то не так больно стегает!

– Тьфу, да я не об этом! – Я взяла мальчишку за другую руку, и мы с Афоном повели его к Борьке, терпеливо поджидавшему нас в стороне. – Что еще за страх?

Мальчишка дернул плечами.

– Не знаю.

И зашагал к наострившему уши жеребцу.

– Ну ладно... – Я почувствовала, как что-то важное ускользает от моего понимания, и попыталась сосредоточиться. – Легенды. Ты говорил, что мать рассказывала тебе легенды. О Пепельном? Он должен был к вам сюда прилететь? Зачем?

– Теть, подсади? – Митяй будто меня не услышал. Он первым добрался до нервно притоптывающего жеребца, погладил того по носу и, взявшись рукой за стремяна, снова попросил: – Подсади, а?

Вместо меня его просьбу выполнил Афанасий. Одним махом закинув мальчишку в седло, он взял Борьку под уздцы и не спеша повел прочь от пепелища. Миновав еще с пяток домов, точнее, того, что от них осталось, мы вырвались из царства пепла и дыма.

– Так что за легенды? – Я снова вернулась к засевшей в мыслях теме, но мальчуган только отмахнулся.

– Я в них ничего не понимаю. Это вам надо бы у деда Олеся спросить.

Мы с Афоном переглянулись. Он едва заметно кивнул мне и спросил у парнишки:

– А до дедовой деревни далеко?

– Да не! Пять стогов пройти, два пролеска до речки Гли-
нотечки миновать и уже там!

– Это хорошо, что близко! – Афанасий улыбнулся и, под-
няв глаза к небу, вздохнул. – Хоть воды у деда твоего попро-
сим...

– Ага! А мне так жрать охота! – подхватил парнишка.

– Что переночевать негде! – закончила я. – Жизненная
поговорка русичей!

– Не русичей, а шамахан! – Афон наконец оторвался от
изучения дымно-серого неба и взглянул на меня. – Я с ними
долгие годы общался, поди, знаю их поговорки!

– И не шамахан, а гидайцев! – влез в разговор наш ма-
ленький попутчик. – У нас один на скотном дворе жил – так
эта поговорка точь-в-точь о нем!

– Видимо, у каждого народа есть такая жизненная пого-
ворка, – подвел итог Афанасий.

Какое-то время мы шли молча, каждый думая о чем-то
своем. Я наслаждалась свежим воздухом, правда, не без при-
вкуса дыма, который прочно поселился у меня в носу, и изу-
мрудной шелковистой травой, которая так и манила Борьку.
Но он понимал, что дело прежде всего, и, не останавливаясь,
шел вперед, срезая зубами самые высокие травинки.

Вскоре поле сменилось редким березнячком. Деревья, чьи
искривленные стволы сочились нездоровой бурой слизью,
осыпали землю желтой листвой, словно сейчас было не на-

чало лета, а поздняя осень.

Ох, как мне здесь не нравится!

– Что-то у вас тут с экологией напутано... – Афон коснулся ближайшего ствола и с брезгливой миной вытер слизь о штаны.

– Всегда так было, – хмыкнул мальчишка. – Дед рассказывал, что раньше тут лес большой был, но я его не помню. Мне всего-то девять лет недавно минуло.

Ага! Немного ошиблась.

Вдруг Борька шумно всхрипнул и зашевелил ушами. Я настороженно огляделась и невольно заинтересовалась:

– Далеко еще до речки?

– Если напрямки, скоро выйдем, – ответил мальчишка и вздрогнул, принявшись озираться. – Только быстрее надо. А то, если кикиморы нас услышат, худо будет.

– Кикиморы? – Я поежилась от тут же возникшего ощущения, что за нами кто-то наблюдает. Оглянулась. Никого! Да тут и спрятаться-то негде, чтобы понаблюдать. – Это еще кто такие?

– Это заблудившиеся души, – ответил за мальчика Афон и прибавил шагу. – Вот уж не думал, что встречу с этой нечистью еще раз.

– А что, были прецеденты? – Ух ты, сказала – даже сама испугалась! И откуда я таких слов нахваталась? Видимо, от Борьки! Или от Ника...

Тоска сжала сердце. Где ты? Что с тобой? Жив ли?

Нет! Не буду думать, не стану вспоминать. Пока.

– Однажды в Мертвом лесу встретились. – Афон бросил на меня быстрый взгляд. – Вот почему тут такое гиблое место. Они высасывают жизнь из всего живого. Деревья, травы, животные – все годится им на обед. Не говоря уже о путниках. Мы для них просто деликатес! Вот только на этот раз нам повезло. День не их время. Авось проскочим.

Внезапно мое тело снова пронзила огненная боль. Я загнулась о невидимый корень и со стоном сложилась пополам. Вокруг стремительно темнело, и тут я увидела, как от деревьев начинают отделяться серые тени. Их безглазые лица окружили меня в сером хороводе, а когтистые пальцы, пронзая холодом плоть, сжали сердце. Туманя сознание, в уши вплелся завораживающий шепот:

«Ты наша... Ты наша навеки...»

Окаменев от страха и боли, я почувствовала, как все мысли, тепло, да и чего там – сама жизнь вырывается из меня с последним выдохом.

«Госпожа. Ты наша госпожа...»

Вдруг тени отступили и начали таять, возвращая в мир краски, а в следующее мгновение меня сжали в объятиях горячие, сильные руки Афанасия:

– Вась? Василиса? Эй, принцесса, ты чего?

Я распахнула глаза и тут же зажмурилась, ослепленная лучами полуденного солнца.

– Все хорошо, Афон. Все хорошо. – Как же здорово ды-

шать полной грудью! Чувствовать воздух, напоенный летним жаром и легким ароматом прелой листвы, чувствовать жизнь, чувствовать себя...

— Чего ж хорошего? Упала, застонала, а потом еще и поbledнела так, словно помирать собралась! — Он рывком поднял меня на ноги. — Давай-ка, мать, забирайся в седло. Не думал, что ты такая впечатлительная. Не буду я тебе больше о кикиморах рассказывать! Глаза-то открой!

Я посмотрела в его встревоженное лицо и улыбнулась.

— Правда, все хорошо. Просто... что-то живот прихватило.

Борька, топтавшийся рядом, успокаивающе ткнулся мне в плечо.

— Ну, так ты в кустики сходи! — Круглое, заросшее жесткой щетиной лицо Афона расплылось в улыбке. — Напугала-то как!

— Нет. Все уже хорошо. Не хочу больше в кустики! И можешь меня отпустить. — Я тут же почувствовала, как быстро и без лишних уговоров его руки исчезли с моих плеч, и попросила: — Поехали дальше?

Чувствуя предательскую дрожь во всем теле, я позволила Афанасию помочь мне усестся в седло позади мальчишки и взялась за поводья.

Что со мной? Что это было? Еще одно видение? Или, может, я потеряла сознание?

А в ушах все еще слышался шепот:

«— Госпожа...»

К Колокольцам мы подъехали, когда солнце уже начало клониться к закату. К счастью, больше никаких кикимор и видений не было. Пожаров, впрочем, тоже. Речка Глинотечка оказалась мутным ручьем, который, как говорят, и курица вброд перейдет. Правда, Борька пару раз увяз в тягучем иле, но Афон попросту поднял его на плечи и вытащил на берег, точно он да и мы с парнишкой оказались из рода пушинок.

— Не знала, что ты такой сильный! — Я смирила его удивленным взглядом. А ведь ничего особенного! Пусть на две головы выше меня и даже довольно упитанный, но больше похож на аптекаря, чем на силача-циркача... — А как же твои недавние страдания, что с утерей ипостаси Змея ты стал немощен и слаб?

— Принцесса, не забывай, что мне известны кое-какие магические тайны и добавить себе силу десятерых богатырей — не самая сложная из них. — Афон оглядел измазанные штаны и криво усмехнулся. — Гораздо сложнее очистить от ила и глины последние портки!

— А вон уже и крыши первых домов видать. — Митяй радостно махнул вперед. — У деда и постираться можно, и в баньку сходить.

— И поесть! И поспать! — вздохнула я. С последнего привала прошел уже целый день. Тело ныло и ломило так, словно по мне пробежался табун Бóрек, а желудок то и дело да-

вал о себе знать голодными завываниями.

А может, мои видения и приступы от переутомления и недосыпу?

Первыми нас выбежали встречать деревенские псы, приветствуя дружным лаем. Где-то мычали коровы, возвращаясь с пастбища в родные коровники. Несколько раздетых по пояс, загорелых дочерна мужиков сидели у высоких стогов, попивая из большой бутылки воду. Заметив нашу процессию, один из них поднялся и неспешно направился к нам.

Увидев его, пацан ужом соскользнул с жеребца и бросился навстречу.

– Дядько! А я гостей к деду Олесю веду, – раздался его звонкий голосок. Добежав до мужчины, Митяй прильнул к нему и только после этого дал волю чувствам.

– Мамка... Батя... Пожар... никого не осталось!!! – сквозь рыдания донеслось до нас. – Змей... Пепельный... Никого...

Сидевшие у стогов мужики, почуяв неладное, разом поднялись и направились к ним. Окружили, о чем-то тихо переговариваясь, затем дружно обернулись к нам.

– Либо накормят, либо прибудут, – обреченно пробормотал Афанасий и потянул Борьку за уздцы. – Пойдем подойдем, что ли?

Когда расстояние между нами сократилось до нескольких шагов, мы остановились. Дядька Митяя подошел ближе и низко поклонился.

– Спасибо, что спасли мальчонку! Век благодарны будем, гости дорогие. Откуда и куда путь держите?

Я спрыгнула с Борьки и, прежде чем Афанасий открыл рот, произнесла:

– Мы ищем путь в царство Пепельного.

Услышав такую новость, мужики хмуро переглянулись и подошли ближе, чтобы получше рассмотреть нашу сумасшедшую компанию.

– Гибели ищите?! Зачем вам туда?

– А надоела нам его обгорелая рожа. Эстетику мира портит, вот и хотим его найти и прибить! – встал на мою защиту Афон.

Гул поднялся такой, что мне стало не по себе.

– Ишь какой умный!

– Его нельзя прибить!

– Он из другого мира!

– Попадете туда – навек сами сгинете!

– Тихо! – прикрикнул дядька Митяя, возвращая тишину. – Не нашего ума это дело. Хотят идти – пусть идут. А пока – услуга за услугу. Пойдемте, я провожу вас к нашему волхву. Дед Олесь живет долго, много знает. Авось и подскажет вам чего за спасение внука...

И поманил нас за собой.

Мужики расступились, давая дорогу. В их взглядах читались жалость и еще... любопытство. Так смотрят на юродивого. Вроде и жалко, да не такой, как все...

Деревня оказалась небольшой, две улочки, три переулочка, но красивой, утопающей в яблоневых садах. Дом волхва стоял на отшибе, не выделяясь ни новизной, ни добротностью. Старые бревна выбелило время, потрескало солнце. Рядом с домом, скособочась, притулилась крохотная банька, радуя глаз синеватым дымком, рвущимся в небеса из короткой трубы.

Сам дед Олесь не терял времени даром. Ловко орудуя топором, он колол дрова. Запах свежей древесины стоял такой, что я не удержалась и с наслаждением вдохнула, вспоминая дом... Отец тоже любил так поразмяться и вместе с конюхом Пармоном мог за день наколоть целую поленницу.

– Деда! – Митяй бросился к нему. Игнорируя распахнутую калитку, перепрыгнул через невысокую ограду, точнее, плетень и, подбежав, уткнулся тому в рубаху. Мы слышали его торопливое бормотание и всхлипы. Старик, будто и не удивляясь гостям, ловко всадил топор в толстое полено, потрепал внука по растрепанным вихрам и оглянулся, разглядывая нас из-под седых мохнатых бровей. Высокий. Крепкий. Если бы не выбеленные временем космы и седая борода, хитро заплетенная в недлинную косу, его сложно было бы назвать стариком.

Вслед за Митяем в открытую настежь калитку вошел наш проводник и, поравнявшись с хозяином дома, о чем-то тихо заговорил.

Я было хотела направиться за ними, но Афанасий придер-

жал меня за руку.

– Подождем.

Старик внимательно выслушал мужика, утешающе похлопал внука по плечу и, вновь взглянув на нас, поманил:

– Что же вы там стоите, гости дорогие?

– А вот теперь пойдем. – Афон потянул за собой пофыркивающего Борьку. Чувствуя себя не в своей тарелке, я поплелась за ними. Кто дернул меня за язык во всеуслышание заявить, что мы направляемся к Пепельному?

– Митяй поведал мне о вашей доблести. – Серые глаза смотрели строго, заставляя нервничать. – Только скажите, как вы узнали, что он спрятался в подполе?

– Это надо бы у Василисы уточнить, – сдал меня Афон. Все перевели взгляды на меня.

Я поняла, что краснею, и нервно дернула плечами.

– Не знаю. Просто... почувствовала!

– Хорошее качество! – не стал мучить меня расспросами дед. – Чувствовать тех, кто попал в беду, – не всем дано.

И внезапно так захотелось рассказать ему о приступах, о видениях. Вдруг подскажет, с чего со мной случилась такая неприятность? Но... что-то заставило меня промолчать, скрывая от всех мои страхи.

Старик еще немного посверлил меня взглядом, словно зная о моих терзаниях, и, пряча в усы скупую улыбку, указал на дверь, приглашая нас в дом.

– Заходите. Накормлю, напою, в баньке вымою... – Борь-

ка на этих словах принялся нервно приплясывать, наверное, опасаясь, что о нем забудут, но старик успокоил и его: – Вот еще жеребцу вашему овса задам, а после и разговоры станем разговаривать!

Ну да... На ум вдруг пришли страшилки, которые любила рассказывать мне на ночь старая нянька: сначала напои, накорми, а потом и в печь сажай... Действительно, а то чего нас, тощих и грязных, жарить?

Добела выскобленные ступеньки невысокого крыльца, радуясь гостям, весело заскрипели под ногами. Миновав сени, завешанные пучками высушенной травы, мы с Афоном оказались в довольно просторной горенке с более чем скромной обстановкой. Вдоль стены вытянулись две широкие длинные лавки, явно заменявшие нежданым гостям койко-место. В углу расположилась печь, если можно было назвать печью это огромное, на полкомнаты, строение, которое оказалось еще и кроватью хозяина. Рядом с ней, почти в центре комнаты, стоял здоровенный стол, уставленный казанками, глиняными мисками и кружками. Его окружали четыре крепко сбитых табурета.

Два небольших окна давали достаточно света и хороший обзор, позволяя видеть почти все, что окружало избу. Одно окно выходило во двор, а второе на большой, огороженный частоколом огород позади дома, за которым расстилось поле сочной травы. На горизонте чернел лес, а между полем и лесом алело в закатных лучах круглое, будто руко-

творное, большое озеро.

Красота!

Я подошла к окну, из которого были видны двор, часть покосившейся баньки и ограда, со все так же распахнутой калиткой. А еще дед Олесь. Он как раз прощался с нашим провожатым. Заметив меня, тот поднял руку, что-то сказал старику, потрепал по вихрастой голове жавшегося к нему Митя и направился прочь со двора. Провожая его взглядом, я не заметила, как внук с дедом пропали из видимости. Тут же в сенях хлопнула дверь, и в дом заглянул хозяин.

– Устраивайтесь. – Старик кивком указал на лавки и посторонился, пропуская в дом внука. – Митяй, накрывай на стол! Картошка в казане на печи, молоко и соленья в подполе, а я наберу зелени да вернусь.

Дверь за стариком закрылась. Митяй направился к печи, выполнять наказ деда.

Привычно прихватив рушником заслонку, мальчонка отставил ее к печи. Вытянул из теплого нутра котелок с исходящей паром картошкой, брякнул его на стол и задумчиво посмотрел на нас.

– Огурчики малосольные к картохе будете?

– Отчего же не будем? Будем! – ответил Афанасий, устраниваясь за столом поближе к котелку. – Все, что есть в печи, на стол мечи! У нас за весь день сегодня даже маковой росинки во рту не было!

– Значит, надо из подполья доставать... – тоскливо вздох-

нул Митяй и покосился на крышку подвала, находившуюся точнехонько в центре комнаты. Если бы не вделанное в нее кольцо, исполняющее роль ручки, я бы даже не поняла, что здесь есть подпол.

– Помочь? – тут же вызвалась я. Не люблю напрягать людей. У мальчонки горе, а тут мы... с огурчиками.

– Да не... мне нетрудно... – замялся Митяй, снова бросил взгляд на крышку подпола и криво мне улыбнулся. – Просто боязно! Когда я был совсем маленьким, деда поведал мне, что жилище человека должно повторять весь мир, тогда и равновесие в нем будет.

– То есть как – весь мир? – нахмурилась я. Начали огурцами – закончили мироустройством!

– А так! – терпеливо принялся пояснять мальчонка, ободренный добродушными кивками Афона. – Чердак должен заведовать небесами, жилые комнаты – как наш мир для людей, ну а подпол – для бесов да нечисти всякой. – И тут выдержка изменила Митяю. – А ну как меня там сам Пепельный поджидает, чтобы как мамку и батю спалить?!

Глядя на нервно подрагивающие губехи мальчишки, я подошла и успокаивающе обняла его за плечи.

– Пусть поджидает! Я как раз к нему за должом иду, вот и требую. Хочешь, я вместе с тобой спущусь и покажу тебе, что в подполе, кроме огурцов, масла, сливок и молока, ничего страшного нет?

– Хочу! – Глаза Митяя засветились радостью. Подумав, он

добавил: – А страшное в подполье таки есть! Бочонок медовухи! Деда как ее пригубит – сам не свой становится!

– Правильно, парень! Просто страшно хорошая новость! – оживился Афон и даже поднялся.

– Ну, если только это, то я переживу знакомство с подземным миром этого дома. – Я решительно прошла к крышке люка и, ухватившись за медное кольцо, рывком отворила дверцу в царство «страшных припасов». Из плескавшегося у ног полумрака до меня тут же донесся запах чего-то пряного, сдобренного терпким запахом добродившей браги.

– А свет? – Я оглянулась на парня. Все хорошо, но лезть в незнакомый подвал без лучины или свечи – чревато большими разрушениями.

Он с опаской посмотрел в темноту и, прикусив губу, принялся молча спускаться. В следующее мгновение куцее пятно света разогнало густой полумрак.

Другое дело!

Заметив взгляд Афанасия, я подняла вверх большой палец и начала спускаться вслед за мальчуганом. Хочешь не хочешь – а обещала!

Вопреки ожиданиям подвальчик оказался уютным. Небольшой, чистый, заботливо охраняемый от паутины и мышей. На одной из стен, рядом с ровными рядами кувшинов и глиняных банок, висела масляная лампа, у которой меня и поджидал Митяй, опасливо поглядывая по сторонам.

– Ну, вот видишь, нет тут никого! – Я демонстративно раз-

вела руками. – Даже пауков нет!

– Пауков я не боюсь! Они не страшные! – Митяй даже надулся от гордости. – И мышей не боюсь!

– Потому что их тут нет? – Я насмешливо покачала головой. – А кого еще ты не боишься?

– Я вообще никого не боюсь! – нахохлился парень, сообщив, что бояться того, чего нет, – перебор. И тихо добавил: – Только призрака, что на озере обитает, боюсь!

Я не выдержала и расхохоталась.

– Да тебе прямая дорога в сказители! На ходу подметки рвешь: то Пепельный, то призраки!

– Ты думаешь, я вру? А я не вру! – запальчиво выкрикнул мальчишка. – Деда спроси! Я на озере призрак видел! Сам он черный, как ночь, а глаза синие, будто небо в ясный полдень! А еще девица стонет!

– Гм... – Я насторожилась. Сказки сказками, но приличия-то быть должны! – А чего она стонет?

– Дык как ей не стонать, ежели в воду сунули да каменной тяжелой придавили, чтобы не всплыла. А вода в озере даже в жару – ледяная! – Митяй обиженно покосился на меня и направился к дальней стене, вдоль которой рядом расположились кадушки с огурцами. – Думаешь, я снова вру?

– Да нет, что ты! – отмахнулась я. – Не бери в голову! Это у тебя воображение богатое.

– Ну и пусть! А волк на самом деле существует! – отрезал тот, подхватил небольшую кадушку и направился с ней

к лестнице.

– Какой волк? – Похоже, парень и впрямь фантазер. То девушку камень придавил, то призрак, а тут еще и волк!

– Ну, говорю же! Черный. Только глаза синим горят! И молвит мне – помоги-и-и, Митя-а-а-й! – Последняя фраза прозвучала натужно. И немудрено: мальчишка, рывками переставляя увесистую кадушку со ступеньки на ступеньку, принялся споро подниматься.

– Ага-ага! – Я напоследок обвела взглядом подвал, ухватила две бутылки с молоком и, задув лампу, бросилась за ним. – И как? Ты помог?

– Не! Я его боюсь! Знаешь какой он страшный? – Как только подпол вновь погрузился в темноту, у паренька словно отросло еще по паре рук и ног. Громко пыхтя и подпихивая бочонок, он принялся быстро карабкаться к единственному квадрату света над головой, не забывая приговаривать: – Клыки – во! Сам – во! А глаза...

– Тоже во? – Я поставила бутылки на самую высокую ступеньку, до которой смогла дотянуться, и полезла вверх. Резвости мне добавил легкий шорох, вдруг раздавшийся позади нас в крошечной темноте подвала. Рассказы мальчонки сделали свое дело. Я проникновенно взывала: – Митяй, шевелись! Ты чего как улитка в клистире? Афон! Ты где? Вытаскивай нас!!!

– Да тут я! Тут! – Над нами, загораживая свет, появилась голова Афанасия. Мальчонка и пикнуть не успел, как вме-

сте с огурцами оказался на поверхности. Следом за ним благословенная лапа Афона выдернула из холодного подвала и меня.

– Чего ты так орешь? – Он поставил меня на пол и, только сейчас заметив нежно прижимаемые мною к груди два белесых пузыря, радостно возопил: – Самогонка? Да ты человечище, Вась!

– Какая еще самогонка? – возмутилась я, с грохотом хлопывая крышку подпола. Мало ли... вдруг чего вылезет? – Это молоко!

– Тогда обрат, а не молоко! Цвет не тот! – не поддержал моего возмущения Афон и миролюбиво предложил: – И вообще, чего спорить? Ты открой пробку да хлебни! А лучше мне дай!

Дед Олесь застукал нас в тот момент, когда мы, откупорив крышку, приняхивались к мутному содержимому бутылки.

– Что же это ты, внучек, не следишь за нашими гостями? Все должно быть по порядку! Сначала помой, накорми, а потом и сказочки с настоячкой рассказывай!

Мы с Афоном дернулись от бутылки в разные стороны как нашкодившие школяры. А чтобы не было улик, Афанасий поставил ее на пол. Митяй удивленно покосился на поллитру, одиноко стоявшую теперь между нами.

– Деда, а разве это не молоко?

– Из-под бешеной буренки! – Хозяин дома прошел к нам. Сцапав бутыль, торжественно пронес ее к столу и водрузил

прямо в центр. – Настойка енто! А вот в бутылке, что в руках у Василисы, – сливки.

– А чего твоя настойка такая же белая, как и сливки? – не сдавался малец. То ли хотел нас поддержать, то ли не хотел сам лицом в грязь ударить: деревенский, а самогонку от молока отличить не может!

– Дык она на белене настоящая. Самое то от ревматизма! Мы с Афоном с трудом отвели взгляд от ставшей враз непривлекательной бутылки, переглянулись.

– А где у вас тут руки помыть? – первой струсила я. Ну а чего? Крышку открывала, нюхала. Единственное что – не пробовала!

– А в баньке! – с готовностью улыбнулся старик. – Пойдем провожу? Любишь самый жар?

– Обожаю! – Я попыталась скрыть промелькнувшие у меня на лице чувства: не то чтобы... Жара, духота! Вода не прогрелась! Уши сворачиваются в трубочку, а по полу холод...

Но куда деваться? Наказывала мне Мафаня – не бери в руки всякую гадость! Говорят, белена сначала ума лишает, потом мўки насылает такие, что исправить уже ничего не сможешь. Впрочем, противоядие к ней тоже имеется. Главное не опоздать!

Кстати... А это мысль! Мои странные приступы... Уж не белены ли я по дороге наелась? Нанюхалась, натерлась... А чего, под кустиками и не такое расти может!

Эх... И об этом говорит царская дочь!

Ладно! О грустном потом. Что мы сейчас обсуждали? Ах да! Баню!

– Хоть сейчас готова идти!

– Вот и славно! – обрадовался дед и, прежде чем выйти из дома, прозорливо покосился сначала на меня, потом на Афона. – А вы что же, уже небось настойки хлопнули? Что-то побледнелось вам? – и басовито расхохотался. – Да вы не бойтесь! Я свои лекарские притирки у себя в сундуке держу. Не отравитесь!

– А что в бутылке-то? – подозрительно прищурился Афон, предпочитая больше не верить на слово незнакомцам.

– Да самогонка! Молоком очищенная. На миндале да на мелиссе настоящая! В чай добавлять – милое дело! – отмахнулся старик и, поманив меня за собой, скрылся за дверью.

– Ладно. Пойду. – Я не сдержала улыбки, глядя на обескураженное лицо Афанасия. – Да не переживай ты так! Я бы тоже белену с молоком перепутала на раз! И очень бы расстроилась по этому поводу, как и ты!

– Вообще-то я больше переживаю за то, что это не белена! – Афон печально вздохнул. – Знаешь, как ее достать трудно?

– Ядов, что ли, у вас, колдунов, на друзей не хватает? – Теперь удивляться пришлось мне.

– Да нет! Этого-то добра полно! – отмахнулся Афон. – Да только она реально хорошо спинную хворь правит! А еще ее можно в некоторых заклинаниях использовать, вроде ми-

стического зеркала!

– Зеркало... – В моей памяти всплыло это слово. – Точно! Афон, я хотела с тетей поговорить, да боюсь, что через зеркало меня Пепельный увидеть может.

– Не только увидеть, а еще и мысли твои прочитать! Например, о том, что я пообещал вытащить из застенков Ника! – «утешил» Афанасий. – Но ты не горюй. Я научу тебя, как и что сделать, чтобы оставаться вне зоны действия этой магии. Все просто! В бане достанешь зеркало, обведешь им вокруг себя и скажешь такие слова: «Не кламши не ищут, не знамши не подслушивают». И после этого смело вызывай тетю. Но... один минус – действие заклинания короткое. Так что – чем быстрее, тем скорее!

– Поняла! – приободрилась я. Только бы эту белиберду не забыть! На всякий случай дотронулась до корсета – проверила, на месте ли зеркальце.

Тут скрипнула дверь, и в комнату снова заглянул дед Олесь:

– Ну что? Долго еще топтаться будем, девушка?
Я ойкнула и бросилась за ним.

Глава 2

Баня издалека виделась большим, только заваленным на один бок строением, а на деле оказалась совсем маленькой. Прижавшись к боку дома, она попыхивала в вечернее небо прозрачным дымком. Окон нет – только крошечная бойница.

– Заходи. – Дед Олесь распахнул дверь в предбанник и кивком указал на деревянные шайки, ковш и веник. Рядом на лавке стопкой лежали полотенца и какие-то вещи. – Грязную одежду скинь, опосля постираешь. А после баньки, вон, чистые портки и рубаху наденешь, коль не брезгуешь. Извиняй, бабьей одежи нет.

– Ну... – Я пожала плечами и невольно оглядела себя. Как можно спутать шаровары из гарема принцессы (пусть грязные, порванные о колючки, но шаровары) и серую рубаху, например... с сарафаном? А лапти, что мне сплел по дороге Афон, точно не перепутаешь с золочеными туфлями, что я носила у папеньки во дворце! – Я уже и забыла, когда бабью одежду-то носила. Если, конечно, вы не принимаете мою рванину за наряды высшего света!

– В высшем свете я отродясь не был, – хозяин окинул меня совсем не стариковским взглядом, – но дерюгу от шелка отличить смогу. И тебе сейчас я даю переодеться именно в дерюгу. Так что – не обессудь, красавица.

– И я очень вам за эту дерюгу благодарна! – без улыбки кивнула я. – Надоело, что каждый встречный-поперечный считает меня полонянкой. Спасибо Афанасию, вывел из земель Шамаханских!

– Покидало же тебя по миру, девонька. – Дед Олесь задумчиво пожевал ус и заторопился. – Ладно, мойся. Мыльный корень в ковше найдешь. А я пока квасу с медом наведу да чай запарю.

Я подождала, когда за ним захлопнется дверь, задвинула тяжелый засов и с наслаждением принялась срывать с себя пахнущие гарью тряпки.

На удивление, в бане оказалось совсем не темно! В бойницу пробивались последние лучи заката и, отражаясь от висевшего на стене стекла, раскрашивали отсветами небесного пожара почерневшие от влаги и жара бревенчатые стены.

Про магическое зеркало я вспомнила лишь, когда с меня сошло десять потов. Я так увлеклась мытьем, что почти извела на себя весь мыльный корень ну и соответственно выплескала почти всю воду.

Как же хорошо смыть с себя гарь, пыль, страхи, тоску... И остаться чистой... легкой... словно пушинка: дунь – полетит.... Ан не дают лететь переживания, и любовь проклятая не дает лететь. Прижимает к прошлому, лежит камнем на сердце, крепче оков каленых держит.

Ник... как ты мог не сказать мне правду? Вместе бы мы что-нибудь придумали и от демона Пепельного отвязались

бы! А теперь что? Теперь поздно! Надо идти и не думать. И не сомневаться!

Открыв дверь, я выскользнула из жара в предбанник, нащупала зеркальце и снова вернулась. На всякий случай. Чтобы никто не подслушал...

Так... как же там Афон говорил?

Не знавши не подслушивают, не кламши не ищут?

Пытаясь унять дрожь, я коснулась пальцем стекла.

Что я скажу тете? Она, наверное, с ума сходит...

Где-то в Пекельном мире...

– Ну что? Вспомнил слова подчинения? Решился мне в помощи довериться?

Тонкий въедливый голосок прокрался в туман сна, заставляя сознание медленно возвращаться в мрачную серую реальность.

Пленник открыл глаза, и улыбка коснулась его губ.

– Кобылка....

– Она самая! До чего докатилась! Сама предлагаю потенциальным клиентам помощь, а они рожу воротят! Ой, извини, если обидела, да только твое лицо, мил друг, иначе и не назвать! Ну, так что? Вспомнил слова или мне тебе напомнить?

– Не нужно! – шепнули обожженные губы, и пленник то-ропливо забормотал: – Встань передо мной, как лист перед

травой...

– Ну вот! Совсем другое дело! – Крылатая мушка покружилась у носа пленника и приземлилась ему на руку. – Что-то ты совсем плохо выглядишь, Ник. Вовремя я спасти тебя прилетела!

– И как ты думаешь меня спасти? – Пленник поднялся с каменной лежанки, сел. – Это невозможно!

– А я думаю, что возможно! – возразил ему нахальный писк. – Ты же как-то в первый раз отсюда выбрался? Рассказывай! Внимательно слушаю!

Ник помолчал, вспоминая, и решительно качнул головой.

– Не помню!

– Как это – не помню? – Кобылка даже увеличилась в размерах не то от удивления, не то от злости. – Что ты мне заливаешь? Как ты можешь это забыть? Это же незабываемый момент в жизни! Ну, или один из незабываемых...

– Я тебя не обманываю! – Вдруг где-то раздался грохот. Ник огляделся и прижался к каменной стене, подальше от прутьев решетки. – Уходи! Это пятиглавые собаки! Пепельный выпускает их пожить, и если кто-то из пленников окажется у решетки, то может остаться без руки или ноги...

– Мрачные у тебя тут развлечения! Но ты мне все же своими псынами голову не морочь! – Кобылка презрительно покосилась в серую хмарь, где уже слышалось голодное тьяканье псов. – Вспоминай, как выбрался, и будет тебе счастье!

– Честно, не помню! Точнее, будто бы и помню, но начи-

наю вспоминать детали, и все меркнет. Как будто и не было ничего! – Ник устало, одними губами, снова улыбнулся и безразлично уставился в начинающий оживать сумрак.

– Ясно! Стимула нет, да?

Пленник не ответил, только вздохнул.

– Да! – ответила сама себе кобылка, взлетела и зависла перед его носом. – Поднять?

– Что? – Ник настороженно скосил глаза на непрошеную гостью.

– Стимул! – прозудела та и стремительно принялась наворачивать перед ним круги. В сгустившемся воздухе, словно в ковше с водой, появился расплывающийся женский силуэт. Ник замер, во все глаза разглядывая видение. Нагая красавица вдруг заговорила родным голосом Василисы.

Ник прислушался.

Да это же заклятие! Простенькое, но сильное. Чтобы отвлечь внимание тех, кто в этот момент может о ней думать. Только слова перепутаны...

С трудом уняв бешено колотящееся сердце, он разлепил пересохшие губы и тихо позвал:

– Василек!

– Тетя? – Красавица из магического зеркала настороженно вгляделась ему в глаза, и вдруг гримаса ненависти и страха исказила ее лицо. – Ты?! Ненавижу! Ненавижу тебя! Ненави-и-ижу-у-у!

Пленник с глухим стоном отшатнулся. Закрыв руками ли-

цо.

– Ну, ты тут пока стимулируйся на подвиги, а я полетела. Дел, не поверишь, непроворот!

Стихающий писклявый голосок заставил Ника отвести руки от лица и оглядеться. Магического зеркала больше не было.

И хорошо!

Кобылка тоже исчезла.

Просто прекрасно!

Зачем он поверил этому духу? Ведь знал же, что ничего хорошего не будет! Только добровольно добавил себе мучений, не хватало ему Пепельного!

Перед глазами снова возникло лицо любимой. И ненависть. В глазах, в словах, в голосе и в... сердце!

Она его ненавидит!

Ах, какая она красавица...

Стимул?

Отличный стимул!

Задышавшись, я отшатнулась от зеркала. Неужели перепутала слова заклинания? И Пепельный меня услышал! Более того! Он посмел меня мучить! Явился ко мне вместо тети и голосом Ника произнес мое имя!

Ненавижу!

Сердце еще продолжало бешено колотиться, а я уже снова произносила заклинание, только на этот раз уже так, как мне

сказал его Афон:

– Не кламши не ищут, не знамши не подслушивают! – И с опаской снова потеряла пальцами серебристое стекло.

– Василек? Ты, что ль? – Тетя отозвалась тут же, словно сидела и ждала. – Слава тебе, боженька! – Затем она, видимо, пригляделась к моему виду, а может, к обстановке – и началось! – Эт где ты, бесстыжая, пропадала? Где тебя черти носят? А одежда твоя где? А Ник? Целых три дня ни слуху ни духу! Да я уже в соседнее царство смоталась к медиуму знакомому. Думаю, мож силу на старости лет потеряла, так пусть хоть кто-то с моей кровиночкой свяжется! Да что с тобой? Где ты? С кем ты? У шамахан в полоне?

– Теть, может, ты меня выслушаешь? Тетя! Мафания!!!

Когда я уже рявкнула в голос, тетя наконец-то меня услышала, прекратила истерику и спокойно попросила:

– Рассказывай!

Но тут силы меня покинули. Я уселась на мокрую лавку и, размазывая слезы, забормотала:

– Ник... а Пепельный... его... и Борьку... а я... Теть... У-у-у-у-у... Ведь я... а он...

– Так, доча! Успокойся и отвечай на вопросы! Ник – жив?

– Угу...

– Борька?

– Тоже...

– Сама цела?

– Вроде. – Я шмыгнула носом.

– Ну а чего тогда ты воешь, как по покойнику?

– Он у Пепельного в полоне!

– Кто, Борька?

– Ни-и-ик! А Борька дар речи потеря-а-ал! – снова завывая, но тетя командным голосом тут же прекратила вновь начинающуюся истерику:

– Ша! Не пропадет твой Ник! И конягу твоего вылечим! А теперь сделай вот чего! Повторяй за мной слово в слово!

– Что повторять? – напоследок всхлипнула я. Может, тетя что-нибудь придумает? Она же ведьма! Ведает, что творит!

– Слова волшебные!

– И что будет? – Я размазала быстро высыхающие от жара и непрошеной надежды слезы.

– Пока не скажешь – не увидишь! Готова? – окончательно заинтриговала она меня.

Я кивнула, зачерпнула в ковшик колодезной воды, надеясь перед выходом из бани как следует умыться, чтобы скрыть от некоторых особо внимательных спутников заплаканные глаза, но тетя не стала дожидаться моих приготовлений, а четко и медленно принялась выговаривать:

– Зеркало – круг, зеркало – друг. Зеркала муть, ниточкой путь. Кровь на века, в руку – рука. Судеб не счесть, жду тебя здесь. Камень Алтырь, твой поводырь. Мафаня. Василиса. Баня.

Во бред-то!

Хорошо, что тетя читала этот заговор, старательно выго-

варивая каждое слово, замолкала, ждала, когда я повторю, и снова говорила. После эпического окончания я даже зажмурилась, ярко представляя, как глупо выгляжу, стоя голой посреди бани с зеркалом в одной руке и ковшиком воды в другой, ожидая грома и молнии на мою бедную головушку. Вот только ничего подобного не произошло.

Все оказалось гораздо хуже!

– Донечка! Кровинушка! Корова блькущая! Я, значит, ее жду, ночи не сплю! Уже всех ухажеров от себя отвадила! А она тут, понимаете ли, в бане моется! – оглушило меня тетино сопрано, заставив от неожиданности подпрыгнуть и стремительно развернуться, совсем позабыв о ковшике холодной воды, которая теперь, после таких кульбитов, стекала с озадаченного тетиного лица. – Твою ж... да капеллой... в три голоса! Васька, ты чего творишь, окаянная?!

– Радуюсь! – Я вымучила из себя улыбку. Ну а что еще скажешь? Затем, вспомнив, что до сих пор голая, я подхватила с лавки шайку и скромно прикрыла ею что смогла. – Какими судьбами?

– Ты как родную тетю встречаешь?! – Мафания подошла ближе и прижала к себе так, что деревянная шайка не выдержала и со скрипом развалилась. – Аль не рада?!

– Очень рада. Это я от неожиданности. – Я осторожно высвободилась из ее объятий, ногой отпихнула к стене деревяшки и, заметив недоверчивый взгляд, бодро закивала. – Правда-правда!

Куда бы теперь ковшик пристроить, чтобы его тоже не постигла участь тазика?

Но пристроить я его не успела. Крепкая тетина рука перехватила ковшик и окунула его в бадейку с водой.

— А хорошо ты тут устроилась... Банька, красота, чистота! Эх, мож и я, коли тут оказалась, кости свои, еще совсем не старые, попарю? А, племяшка? Как думаешь?

Я посмотрела, как она по-хозяйски наполняет горячей водой последнюю и еще пока целую шайку, да только и смогла что спросить:

— А... ты ко мне надолго? — Нет, не подумайте чего! Я тетю люблю, даже обожаю! Считаю ее чуть ли не матерью! Но... путешествовать вместе с ней... Ну уж увольте! Особенно зная, как она действует на мужчин, которых в моей компании и так негусто!

Тетя недолго думая скинула в предбаннике цветастые цыганские юбки, расшитую рюшами и петухами белую блузу и, оставшись в короткой майке, забралась на полоч.

— Не пойму, ты это так радуешься нашей встрече или не знаешь, как меня спровадить? — Она расплела свои шикарные черные волосы, смыла с лица сурьму и румяна и стала выглядеть гораздо моложе.

Почему я этого раньше не замечала?

И почему я привыкла считать, что она ровесница отца?

Сколько было бы сейчас маме? Тридцать девять? А Мафа на три года ее моложе!

– Просто не ожидала! – Я улыбнулась, подумала и забралась к ней на полочку. – Но... честно? Очень рада, что ты здесь, рядом! Рада, что могу рассказать тебе все, что произошло, а ты, может быть, сможешь решить наши проблемы!

– Так рассказывай! Чего мычишь, как телок перед воротами? – Тетя улыбнулась, достала из воздуха гребень и принялась расчесывать черные длиннющие волосы.

И я выложила ей все! И про зловключения, и про поиски кольца, и про мечту стать свободной от Феникса, и про Пепельного, исполнившего все наши желания, но испортившего при этом всю мою жизнь!

– А теперь чего думаете делать? – помолчав, поинтересовалась Мафа.

– За Фениксом идти надо. Афон дорогу знает в царство то, подземное. – Ну вот! Сказала. И ничего не екнуло. Наверное, смирилась с неизбежным! Надо – значит надо! – Только сперва домой хотели заехать. Батю повидать, тебя. И Борьке дар речи вернуть!

– Тю! Нашли из-за чего время тратить! Батя твой живет-поживает, добра наживает! Хотел было к тебе намылиться, да без приглашения ну никак нельзя! Написал твоему муженьку гору писем, с просьбой заехать в гости, да в ответ только вежливые отказы и получает: мол, рано! Вот первенец родится, тогда и в путь!

– Какие такие письма? Кто пишет? – Я настороженно нахмурилась. А вдруг это тоже проделки Пепельного?

– Дык я! – лениво фыркнула Мафания, совсем разомлев от жары. – Понимаю же, что может случиться, если этот бык-тупогуб поедет на поиски вашего дома. А царством-королевством кто будет управлять? Снова я?! Так что не благодари, племяшка. И голову не грей! А Феникса надо выручать! Это теперь твоя главная забота!

– А Борька? – Феникс, конечно, моя главная забота, но без советов рыжего умника – уже никуда!

– А оно тебе надо? – осадила меня тетя.

Но я была тверда.

– Надо!

– Тогда не вопрос! – пожала плечами Мафа. – Болтанка чашелистная у меня в мешочке завсегда найдется! Главное пропорции. Тока экспериментировать будем позже! А теперь давай-ка, дорогая, из бани выбираться. А то чую, скоро двери начнут выбивать! Сколько ты тут до меня сидела?

– Да часик будет! – улыбнулась я. Заходила в баню, было светло от закатного солнца, теперь же свет в оконце исчез, и мы с тетей уже полчаса как болтаем в сгущающихся сумерках.

– Во-во! И со мной часик.

– Народ, наверное, волнуется! – Я покусала губы. Оставила всех без бани, мыльного корня и почти без воды...

– Волнуется – не то слово! Слышишь? – Тетя подняла указательный палец, призывая к молчанию. Из услышанных встревоженных голосов я узнала говорок Афанасия и одно-

сложные ответы деда Олеся:

– Может, дверь выбить? Вдруг ее Пепельный через зеркало забрал?

– Да я говорю – только что голоса слышал! Женские! Боязно как-то ломать!

– А чего боязно? Сломали. Зашли. Глянули – там она...

– Голая!

– Да не важно! Извинились и ушли!

– А ничего, что эта дверь мной на совесть срублена? С наскоку не возьмешь!

– А если не с наскоку? Мы ее пока рубить начнем, а там, глядишь, принцесса поймет, что дело-то неладно...

– Ага! Ясен перец – неладно, раз кто-то в дверь топорами долбится...

– Ну, типа того! Оденется и выйдет!

– А без долбежки топорами она не дотумкает, что в бане моются, а не живут? К тому же, вот думаю, чей еще там голос может быть?

– Так, может, она сама с собой? За себя и за того парня? Репетирует перед встречей с Пепельным!

– Вот! Слышишь? Волнуются! – Тетя быстро заплела косу, закинула ее за спину и вышла в предбанник. – А эти портки и рубаха тебе дадены? – слышался ее голос.

Я вышла следом и взяла с лавки оставленную мне дедом Олесем одежду.

– Ага. Да я не в претензии. Мне сейчас хоть что, лишь

бы не дымное, не грязное и не колючее от песка! – Я в два счета натянула на себя одежду, подпоясала рубаху цветастым пояском, выпавшим из вещей на пол, и кивнула тете. – Я готова.

Она уже тоже оделась и теперь поправляла на себе цветастую одежду. Затем нацепила тапочки, подождала, пока я обую лапти, и, щелкнув засовом, распахнула дверь.

– Твою ж маму... за руку да в хоровод! – слышался ее испуганный вскрик. – И чего вы тут, ироды, удумали? Уморить нас?

Я осторожно выглянула из-за ее плеча и, тихо ойкнув, снова спряталась за спину: на пороге, замахнувшись топорами, стояли Афон и дед Олесь. А у них за спиной, в сгущавшихся сумерках, Митяй катался по двору на Борьке. Но тут же-ребец, явно узнавший мою тетю, вдруг остановился, со всего маху шлепнулся на пузо и под протестующие крики мальчишки бодро пополз по траве за дом, загребая ногами, как веслами.

Мужчины переглянулись и, опустив топоры, снова уставились на подбоченившуюся Мафаню, в упор не замечая меня, прячущуюся у нее за спиной.

– Едрит-гидроперит! – первым рискнул заговорить Афонасий. – Василиса?! Но... что с тобой случилось? Неужто тебя Пепельный превратил в такую древнюю развалину? Заговор не подействовал, да?

– Заговор? А какой, заботливый ты мой? – пропела Ма-

фа, явно закипая от злости из-за столь неожиданного комплимента. – Не этот: поперек света оборотись, через голову кувыркнись, в свою сущность возвратись?

После этих слов Афона точно утащил ураган. Раздался обреченный крик. Сгорая от любопытства, я выглянула из-за тетиного плеча и вытаращила глаза, глядя, как неведомая сила приподняла Афанасия в воздухе и принялась крутить волчком, попутно болтая во все стороны. Дед Олесь, чтобы не быть в эпицентре военных действий, по примеру Борьки упал в траву, шустро откатился под телегу и оттуда громко принялся читать какую-то молитву.

– Тетя, не надо!

– Васька, молчи! – рыкнула родственница, не удосужившись даже взглянуть на меня. – Пусть этот кудрявый научится уважать всех встретившихся ему на пути женщин, а не только тех, кого бы ему хотелось затащить на сеновал! Ууу, ирод!

А тетя, оказывается, не на шутку взбешена!

Меж тем Афону было плохо. Очень плохо. Он почти превратился в вертящийся шар, и я, как ни старалась, уже не могла разглядеть ни рук, ни ног. Доносившиеся до меня вопли сменил обреченный вой, заставляя сердце сжиматься от жалости и вины. Ведь, по сути, открой дверь я – ничего бы этого не случилось!

– Тетя, пожалуйста!

– Вася, замолчи! Трансформация уже началась! Ты сдела-

ешь только хуже!

– Тетя! – Почувствовав в голосе слабинку, я вцепилась в нее мертвой хваткой, отвлекая внимание от Афона. – Он не виноват! Просто за меня боится! А сейчас глянь как темно! Тетя, он не хотел тебя обидеть! Афон... он добрый! Он просто перепутал! Ведь мы с тобой действительно похожи! Он думал, что ты – это я, а я на «древнюю развалину» никогда бы не обиделась! Потому что я – не она! А если ты обиделась, значит, тебя это задело! Но почему? Ты считаешь себя старой? Да всем известно, какая ты красавица!

Тетя сморгнула, и светящиеся ведьминские глазищи погасли, снова становясь вполне человеческими. Слава богу! Если честно, никогда не была свидетелем так называемого «ведьминского взгляда» и даже струхнула!

– Ладно! Будь по-твоему. – Тетя криво усмехнулась, снова взглянула на вертящегося в воздухе Афона (тот, если честно, уже даже стонать перестал) и махнула рукой. Бедолага со всего маху шмякнулся о землю, да так и остался лежать. – Так даже лучше!

Я не стала уточнять смысл последнего высказывания, скользнула у нее под рукой и бросилась к другу, уже понимая, что с ним что-то не так!

На голове Афона вместо привычных волос топорщились не то иглы, не то шипы; на спине разошлась рубашка, выпячивая зеленый гребень, а штаны прорвались, являя миру чешуйчатый хвост. Жалко, лица не видно, хотя... задницей

чую, что теперь у Афанасия не лицо, а...

А вдруг он вообще... того?

Я бы после таких кульбитов точно богу душу отдала!

Ой, мамочки!

Упав перед ним на колени, я вцепилась в остатки его одежды и в отчаянии затрясла.

– Афон! Очнись! Скажи, что ты живой! Ты же не можешь вот так меня бросить! Просто не имеешь права! Афанасий!

– Да живой я! Живой! – глухо раздался его ворчливый, но такой знакомый голос. От радости я вцепилась в него с утроенной силой и перекатила на спину.

Ну вот! Я так и знала!

– Афонюшка! Как же я за тебя испугалась! Скажи, с тобой ничего плохого, кроме хребта, хвоста и этой милой чешуйчатой морды, не случилось? – Я с искренним сочувствием уставилась в привычную жабью морду нашего Змея. Афон распахнул желтые навывкате глаза и только отмахнулся.

– Да все со мной хорошо, Вась! Только, видимо, с самогонкой перебрал. Ты мне примерещилась годков на двать постарше. А потом будто меня что-то подкинуло, да так завертело, что... – И тут до него дошло. – Что ты сказала? Хребет, хвост и морда? Зе-зеленая? У меня что... снова все это отросло? Только не молчи! Скажи, что... что...

– Что у тебя снова появились чешуя, хребет и недлинный хвост? – елейным голоском вместо него закончила тетя. Подошла и, не смущаясь изумленно вытаращенных глаз Афо-

на, присела с нами рядом. – И это если не считать мерзкой зеленой морды... Значит, ты – Афанасий? Тот самый?

Не получив ответа, тетя взглянула на меня, ожидая подтверждения.

– Тот самый! – кивнула я и взмолилась: – Тетя! Прощу! Не мучай его больше! Это он не со зла...

– Что – не со зла? – Глаза Мафани сощурились, заставив меня позавидовать деду Олесю, выглядывающему из-под телеги. – Что меня дважды старухой страшной обозвал? Понимаю! Только вот вопрос: кто из нас теперь страшный?

– Если учитывать то, что вы обе смотрите на меня как на бесплатный блошинный цирк, рискну предположить что... я? – Афон с опаской нащупал хвост, коснулся гребня, недоверчиво поглазел на когтистые руки, и тут до него дошло. – Твою ж... душу грешную! Я что, снова стал недоделанным змеем?! Из-за какой-то ведьмы предпенсионного возраста?! – Он подскочил и, покачиваясь на чешуйчатых лапах, выпрямился во весь свой заметно увеличившийся рост, закрыв над нами звездное небо. – И не надо на меня так сверкать своими зелеными ведьминскими глазами! Забыла?! Мне уже все равно! Я и так встрял по самые... – И мстительно закончил: – А все из-за ведьмы, у которой прогрессирующий маразм уже заменил склероз и ревматизм!

– Нет, ну каков нахал?! – Тетя поднялась, ничуть не испугавшись его налившихся кровью выпученных глаз. Боже, как же я соскучилась по нашему Змею! Наслушавшись за по-

следние несколько дней нотаций и напутствий Афона, я сделала вывод, что его человеческая сущность не так интересна и явно проигрывает второй ипостаси! – Мало того что при дамах ругается, как портовый грузчик, так еще и недоволен той услугой, что ему оказали!

– Что-о-о?! – взревел Афанасий. Из-под темно-зеленых губ показались внушительные клыки, подсказывая, что наступил именно тот момент, когда нам надо начинать собирать вещи, плавно переходя на четвертую скорость. Дабы не злить Змея Подгорного! – Да какую такую услугу ты мне – ведьма бешеная – оказала, кроме того, что снова сделала уродцем? Да я, может, впервые в жизни влюбился! Да я, может, жениться хочу! Только какая дура теперь меня такого на порог пустит?

– А такую услугу! – холодно отчеканила тетя, будто не замечая взбесившегося чудища. – Рано тебе пока к своей влюбленности на порог мылиться! Сначала слово свое сдержи, товарищам помощи и выгоду искать перестань! А когда твоя человеческая сущность будет видна даже сквозь зеленую чешую – твоя любовь сама тебя найдет! Это я тебе говорю не как ведьма страшная, а как предсказательница мудрая!

– Да в каком месте ты мудрая?! – снова завелся Афон, но тетя его перебила:

– В месте фамилии! Марфа Премудрая я. Может, слышал, а, жертва обстоятельств?

И тут Афона словно переклинило.

– Ма-ма-ма-мамочки вы мои! – наконец справился он с этим трудным словом. – Мафания из рода Премудрых?! Неужели та самая??

– Вижу-вижу! Узнал! – прервала она поток его слов, подала мне руку и, дождавшись, когда я ее сожму, резко дернула, поднимая меня с травы. – А еще я родственница вот этой глупой девице! Васька, ну кто после бани на земле холодной сидит?!

Я снова бросила виноватый взгляд на Афанасия и, пожав плечами, тут же попыталась ей возразить:

– И ничуть она не холодная! – Нет, ну а чего? Как реальная помощь нужна, так никого! Иди, деточка, сама от своего муженька избавляйся! А как деточка справилась со всеми проблемами и перестала быть «деточкой» – нотации перед всеми читают! Где справедливость?! Знала бы, что она ко мне телепортнется, ни за что бы с ней на связь не выходила, заодно и Пепельного тогда бы не увидела...

Но мой протест остался незамеченным. Более того! Тетя вдруг получила неожиданную поддержку в лице деда Олеса, который, как я думала, уже мирно дремлет под телегой, но, как выяснилось, тот не дремал, а выжидал подходящего момента, чтобы потом примкнуть к стану победителей.

– Неправильно, девушка, ты рассуждаешь! Родственников слушаться надо! Особенно если они тебя старше! К тому ж у нас тут по ночам холодом от озера тянет. От душ неприкаянных. – Он с кряхтением выбрался из-под телеги. Огля-

нулся на темнеющий вдалеке лес, поежился и посоветовал: – Лучше вообще домой зайти.

– Да, дома лучше! – пискнул откуда-то голос Митяя. – Деда, а чудище зеленое теперь вместо Афанасия с нами будет? А оно не кусается? А эта тетя меня в какого-нибудь чебукарашку не превратит?

Все дружно обернулись, разглядывая мальчонку. Вывернув из-за угла дома, он тянул за собой упирающегося Борьку.

– Малец, а кто тебе сказал, что Афанасий в человеческом облике – настоящий? А может, его истинное лицо как раз такое? – улыбнулась тетя, бросив быстрый взгляд на Афону, и поприветствовала Борьку. – А вот и любитель «болтанки чашелистной»!

В ответ на это жеребец категорично помотал башкой и замер у Митяя за спиной, решив притвориться статуей.

– Ах ты, обжора беспричинная! Ах ты, проглот еремеевский! Ах ты, вша на поводке! Еще и башкой мотать научилась?! – расхохоталась тетя и уже серьезным тоном произнесла: – Хочешь снова заговорить?

Жеребец настороженно прянул ушами, но подходить не спешил.

– Тогда быстро ко мне! – Тетя соорудила грозное лицо. В ответ Борька выдал несколько па, но остался стоять на месте. – Боишься, значит, что я и из тебя то же самое сотворю, что сотворила с этим зеленомордым? Правильно! Бояться надо. Но в планах у меня пока этого нет, так что смело

шагай ко мне. Или, может, ты не хочешь вновь научиться говорить? Тогда что я на тебя время трачу?

После этих слов Борька не выдержал, фыркнул, стряхнул испуганного мальчишку с удил и осторожно потрусил к тете.

– Значит, хочешь? Эх, и в кого ты такой разумный уродился? – Она ласково почесала ему за ухом, достала из пояса щепотку какого-то порошка и дунула им Борьке в морду. – Стань говорящим с ветром летящим, в небе парящим, как трехголовый ящер.

– А-апчхи, твою ж... чхи... да чтоб... чхи... В глаз-то зачем? – Борька зашелся в чихе и принялся кататься по траве, пытаясь копытами стереть налипший на морду порошок. – И вообще! За опыты над животными штрафлагается!

– Ах, и ты тоже недоволен?! – Тетя, пряча усмешку, уперла руки в боки.

Борька еще пару раз чихнул, потерся о траву и, вскочив, отпрыгнул от нее подальше.

– Так это не сон?! Я опять говорю, и вы все меня понимаете?!

– А ты думал, что это твои мысли так громко звучат? – Мафа снова нахмурилась и приказала: – А теперь брысь под навес овес жевать! И чтоб до утра ни звука мне!

– Сегодня самый лучший день! Я могу общаться с братьями по разуму! Я... – Борька хотел что-то сказать еще, но, видимо, решил не рисковать и покорно поплелся к навесу.

– Как у вас, госпожа, хорошо колдовать получается! – Дед

Олесь воспользовался затишьем и возжелал познакомиться с гостьей поближе. – Меня зовут Олесь Веха. К вашим услугам, госпожа.

– Очень приятно! – Тетя с улыбкой посмотрела, как хозяин неумело приложился к ее руке, и предложила: – Так, может, все-таки в дом? Что-то и впрямь холодает.

– Конечно! Проходите, гости дорогие. Стол накрыт. Чем богаты, тем и рады! – Дед развернулся и зашагал к дому.

– А как же баня? – обиженно взревел Афон.

– Ты в ней уже все равно не поместишься! – усмехнулась тетя. Не слушая возмущенное бормотание Змея, взяла меня под руку и направилась вслед за хозяином.

Глава 3

В доме и впрямь было куда уютнее и теплее. Свечи сквозь матовые стекла светильников заливали комнату мягким, молочно-белым светом, отгоняя разглядывающую нас в окна ночь. Мне на миг даже показалось, что темнота за окнами плотная и живая.

– Вот тут я, сколько себя помню, век и коротаю. А раньше еще батька и мамка жили с братьевьями. – Дед Олесь, сообразив, что гроза пронеслась мимо, теперь трещал без умолку, расхаживая по комнате. – Да только чума всех забрала в лихую годину. Теперь вот мы с внучком, да племяш иногда заходит... Жинка еще была, да сгинула. Говорят, призрак в Лиходеевском озере утопил. Правда аль нет, не знаю, до сих пор не нашли!

– И не найдут, если ты сам в это веришь. – Мафаня, довольнo прицокнув, оценила котелок с картошкой, шмат сала, тарелку с огурцами и миску помидоров, щелкнула острым ногтем по стеклу наполовину пустой бутылки и недолго думая уселась во главе стола. Я под шумок примостилась сбоку. – Кто такой бред придумал? Призрака еще доказать надобно! А на бесплотное нечто – каждый грешить мастак!

– За призрака точно не скажу, он грех на душу принял али нет – не знаю. Но в том, что такое в наших местах имеется – побожусь! – Дед Олесь убежденно блеснул глазами. – Эта

нечисть в нашем селе как раз незадолго перед исчезновением супружницы завелась!

– Почему знаешь? – недоверчиво буркнула тетя, сцапала кругляш уже остывшей картохи, наколола на вилку огурчик и аппетитно захрустела.

– Дык знаю, и все. На то мы и ведуны. – Хозяин подбоченился, хотел сказать что-то еще, но его перебил мальчишка, от нетерпения уже подпрыгивающий рядом:

– Вот! Я же говорил, что волчий призрак у нас на озере озорничает! Дед соврать не даст! Он как раз в тот год появился, когда жинка Головы укатила с любовником!

– Угу. – Тетя похрустела огурцом и подтянула к себе бутыл с... молоком? – Тогда вот вам сразу несколько вопросов. Отвечать на них надо быстро и доходчиво! Что случилось после бегства супружницы вашего Головы? Если вы – род ведунов, то как проморгали налет Пепельного на деревню? И как ты, старик, коли ты ведун, можешь не знать об участии собственной жены?

Последний вопрос задел деда Олеся за живое. Он нахмурился, ногой выдвинув из-под стола табурет, тяжело опустился на него. Взял нож и отточенными движениями прямо на дощатом столе принялся кромсать сало. Как только от шмата остались одни ломти, он начал резать красные бока помидоров. Наконец, когда кромсать оказалось больше нечего, он обвел нас ясными, совсем не старческими глазами.

– Значит, поговорить хотите, госпожа заезжая волшебни-

ца? – Он устоялся на Мафу так, словно она сперла у него рубль в праздничный день, и угрюмо усмехнулся. – Что ж, можно и поговорить, раз хочется. Только не думай, что ты способна эти проблемы решить! Хотя... Чего уж тут... – Старик опустил глаза и, разглядывая изрезанную столешницу, вздохнул. – Не колдуны мы... С даром предвидения не больно-то с призраками повоюешь!

– Ладно, забыли. – Мафа тоже перестала изображать крутого спецмагента. Тихо откупорила бутыль и, нюхнув левой ноздрей, опознала содержимое, чем и была несказанно обрадована. – Олесь, ты того, не серчай! Спасибо за хлеб да соль. Давай, может, по чарочке? Мне после баньки так самое то!

Дед задумчиво пожевал усы, с сомнением покосился на бутыль, нежно прижимаемую тетей к необъятной груди.

– А по чарочке не великовато ль будет? Все-таки на меду настоящая! Может, стопками обойдемся? Это я не оттого, что жадный, это я к тому, что побеседовать бы надобно, а разговор долгий намечается...

– Хочешь сказать, что я пить не умею? – Тетя заняла наступательную позицию. – Да я, если хочешь знать, такое экспериментальное пойло употребляла, ради прогресса науки, естественно, тебе и не снилось! И ничего! Жива!

– Это ты сейчас про почечуйник? – уточнила я, жуя уже остывшую картошку, не забывая макать ее в свежайшую сметану.

– И про почечуйник тоже! – кивнула тетя и приказала Митяю: – Давай, малец, метнись за стаканами!

Пацан покосился на деда, дождался кивка и бросился в сени.

– Ну, стаканы так стаканы! – Олесь вдруг усмехнулся в усы и неопределенно буркнул: – Может, так даже и лучше.

– Так всяко лучше! – Тетя не стала вдаваться в расспросы. Только уточнила: – Может, еще и квасок найдется?

Дед Олесь с тяжким вздохом поднялся...

Вскоре на столе появились запотевший кувшин с квасом и три стакана. Митяй уселся рядом с дедом и принялся уплетать нехитрый ужин. Тут скрипнула входная дверь, впуская убитого горем Афанасия. Оглядев нашу честную компанию, он скорбно поинтересовался:

– Я тут случайно услышал что-то про стаканы... и картошку... и квас... и вообще... – Он всхлипнул. – Вот вы, значит, как? Поизгалялись, чуть не убили и бросили ночью одного, холодного и голодного! Хорошо хоть, друг верный овсом поделился. Или думаете, что раз я снова Змеем стал, так, значит, не вашего поля ягода и могу овсом перебиться?

Я всмотрелась в печально выпученные глазищи Афона и пристыженно вскочила с места:

– Так мы думали, что ты сам решил пока в дом не заходить! Иди, садись на мое место!

– Кто думал, а кто рядом с такими друзьями на одном по-

ле и... клад не закопает! – Тетя невозмутимо наполнила доверху два стакана, покосилась на шмыгавшего носом Змея и милостиво плеснула в третий. – Ладно уж, недоразумение ходячее, иди, выпей с нами чарку примирения, и забудем все наши разногласия. Все равно стаканов три, а Васька горюче-смазочные материалы у нас пока не употребляет!

– О, миль пардон, мадам! – Афанасий перестал стонать, прошел к столу и, плюхаясь рядом со мной прямо на пол, зло уточнил: – А о каких разногласиях идет речь? Может, об этих глазах или хвосте чешуйчатом? Или о зеленом цвете кожи?

– А что тебе не нравится? – мило улыбнулась ему тетя. – Могу сделать тебя желтым или красным. О, а может, лучше серо-буро-малиновым? В крапинку!

– Издеваемся? – Афон сгреб когтистой лапой пузырь самогонок и надолго припал к широкому горлышку. Когда белесой жидкости изрядно поубавилось, он громко рыгнул и отставил бутылку. – А мне все равно! Ну не быть мне человеком – и ладно! И не такое переживал! Да и тебе, мамаша, покоя больше не предвидится! Это я, ведьма страшная, как Змей Подгорный говорю!

– Вот таким ты мне больше нравишься, парниша! – Тетя никак не отреагировала на его угрозу, подняла стакан и, чокнувшись с дедом Олесем, сделала пару глотков. – Будешь достоин стать человеком по нутру, а не по ситуации – подмогну. А теперь сиди и помалкивай! Требуху набивай. – И кив-

нула притихшему деду Олеся: – Рассказывай, уважаемый, все, что ты хотел, чтобы мы знали.

Хозяин не спеша откусил огурчик, сосредоточенно им похрустел и в замешательстве пожал плечами.

– А чего рассказывать? Все и так всем известно, и в народе молва до сих пор ходит, успокоиться не может. Другое дело, вы-то не местные... Эх, не хотел беречь старые раны, да, видать, придется...

– Деда, а может, я начну? – Митяй под шумок слупил полкотелка картофана и теперь ерзал на стуле так, что явно рисковал наспиговать свой тощий зад отборными занозами. – Ну можно?

– А, начинай! – Дед, как мне показалось, с облегчением махнул рукой и заново наполнил стакан. – А я пока посижу, подумаю.

– Ну вот, значит! Дело было пять лет назад. Я не больно-то помню, но говорят, в тот год засуха случилась, не вышептать какая, – затарахтел Митяй, словно опасаясь, что его остановят. – И цирк бродячий к нам пожаловал. А жинка Головы заприметила среди циркачей одного трюкача. Только это потом стало известно. Когда цирк уехал, хватились, а ее тоже след простыл. Голова любил ее сильно, ну и знамо дело – двоих детей одному-то на ноги поднимать несладко! Вот и запил.

Я едва сдержала усмешку. Надо же, такой маленький, а рассуждает так, будто ему сто лет в обед. И покосилась на

тетю, но та предельно серьезно ему внимала:

– Ага. И цирк уехал, и клоунов не осталось. А Голову, я так понимаю, другого выбрали?

– Та не, тот же остался. Так-то он мужик толковый: ежели какие неприятности случатся, вмиг все наладит. Грех другого выбирать, – включился в беседу дед Олесь. – Что только наши поселяне ни делали, какими только травами его ни лечили – а все одно. Грусть-тоска съедает нашего Василя Силыча. И вот уж не знаю, откель сельчане узнали о знахарке пришедшей, но решили, что с ее помощью вылечат нашего Васю от тоски. Да только еще хуже сделали.

– Потребовала в уплату эта ведьма заморская души детей его, – снова встрял мальчонка, но дед так цыкнул на него, что тот обиженно замолчал, а после и вовсе залез на печь.

– Цыц, мелюзга! Негоже байки чужие пересказывать. Скажу, как увидел все сам, а после решайте, правда это или ночное видение. – Олесь обвел нас взглядом и продолжил: – И впрямь та ведьмачка в уплату потребовала у Головы его деток, не то жизни, не то души, не то в услужение к себе. Голова, ясен перец, был под ентим делом и знахарку ту, вместе с советом старейшин, что ее привели, чуть с крыльца высокого не спустил. Отвоевал, значит, ребятишек своих, да чуть погодя сон его сморил. В общем, что произошло той ночью у него в доме – не знаю. Да только утром детей и след простыл. Впрочем, как и ведьмы. А с той поры объявился у нас на озере волк, как ночь черный, да русалка. Те, кто видел

ее, говорили, что лицом утопленница на Анну похожа, дочку Василь Силыча. Вот и весь сказ.

Старик снова разлил самогон. Тетя и Змей подняли стаканы, звонко чокнулись стеклянными боками, осушили и дружно захрустели соленьями. Наконец Змей выдвинул свою гипотезу:

– Значит, как я полагаю, таинственный волк – это брат Анны?

– По всему выходит так, – ословело кивнул старик, бросил взгляд в темноту, что плескалась за окнами, и затейливо обмахнулся кулаком, зигзагообразно начертав в воздухе знак оберега. – Вот эту ночь переночуем, и год можно жить да не тужить! А то, что племяш мой с невесткой именно накануне, это не просто так... Эх...

Из уголка его глаза скатилась слеза, да так и исчезла в морщинках, оставив лишь блестящий в свечном свете мокрый след.

– Так-так!

– Поподробнее, милейший! – Змей с тетей сказали это почти одновременно, переглянулись и снова разом заговорили: – Что не так с этой ночью?

Снова посмотрели друг на друга и хором рявкнули:

– Цыц!

Затем одинаково удивились:

– Это ты мне?

– Слушайте, а может, хватит говорить одни и те же фра-

зы в унисон? Ну, честно, даже неинтересно стало. – Я сцапала пузырь с самогонкой и демонстративно спустила его под стол. – Вот когда снова научитесь внятно излагать мысли, тогда и получите назад!

– Ладно. Ты права, племяшка. Сначала дело, потом отдых. – Тетя хлопнула по столу рукой и наставила палец на Змея. – А ты даже не пробуй со мной бодаться!

– А я и не бодаюсь! Как бодаться с тем, у кого рогов по природе своей нет? – запальчиво выдал Афон и тоном работника царских спецслужб заявил: – Но я слежу за тобой! И твой провал станет моей победой!

– Да ради бога, – отмахнулась тетя и посмотрела на Олесь. – Так что не так с этой ночью?

Тот снова покосился в окно, посмотрел ей в глаза и пробормотал:

– Сегодня та самая ночь, когда свершилось черное колдовство Кудыки!

– Куды-куды... Чего?! – Услышав знакомое до боли имечко, я тоже заговорила так, словно перепила самогонки. – Чего-чего?! Как?!

– Ведьму звали – Кудыка! – подтвердил мои худшие опасения Олесь. – Не ахти, конечно, имечко, но зачем так реагировать? Так вот, рядом с ней я всегда чувствовал присутствие какой-то темной силы. Даже силы не из мира сего!

Значит, здесь были Кудыка и Пепельный! Куда ведет этот след?

– А как отработать это колдовство, ты не знаешь? – Мафа чуть прищурилась, и на дне ее глаз, блестящих огоньками свечей, зажегся азарт. Она, словно батюшкина гончая, взяла след.

– Если бы я точно знал, что дети мертвы, – я бы мог отпустить на небеса их души, а так... – Старик качнул головой и снова тяжело вздохнул. – Не знаю я такой волшбы. Правда, вычитал в свитках похожее колдовство, так там черным по белому сказано, что надо найти то место, где произошло такое колдовство, и просидеть там ночь, ничего не боясь! Ибо даже собственную смерть будешь ты переживать и, не убоившись, – жить останешься.

– А чем мне в эту ночь грозит, например, прогулка до отхожего места? – влез в разговор Змей. Тетя, может, и хотела его осадить, но приняла уместность вопроса и посмотрела на деда Олеся.

Тот поморщился, словно ему только что нанесли тяжелую рану.

– В эту ночь происходит нечто нехорошее. Сегодня все селяне сидят дома и носу боятся высунуть в темноту, а я вот с вашими превращениями и перемещениями даже ставни не закрыл! А вдруг они сейчас стоят под окнами и смотрят на нас? – Старик снова обмахнулся защитным знаком.

Я почувствовала, как у меня по спине пробежался холодок. А вдруг на нас и впрямь кто-нибудь из темноты таращится?

– Ой, да ладно тебе переживать! – отмахнулась Мафа и снисходительно бросила: – Никто под окнами не стоит и не смотрит! Я на твою халупу заклятие одно хорошее наложила. Так что ты, вместо того чтобы страшилками заниматься, лучше покажи, где нам с пути-дороги кости бросить. Спать хочется – аж жуть! А вот завтра и подумаем, как беде вашей помочь!

Дед Олесь со Змеем смирili ее разочарованным взглядом, а высказываться пришлось, естественно, мне:

– Тетя, но ведь именно *сегодня* особая ночь. Может, попробовать, воспользоваться советом бабушки?

– И что ты хочешь? Прийти без спросу в дом Головы и переночевать там? Вот мужик удивится! – Тетя усмехнулась. – Нет, нет и нет! Мы не можем так рисковать! Тем более все это вилами на воде писано! К тому же слышали? Опасно сегодня в темноте гулять! Быстро спать! – Она поднялась и мило улыбнулась все еще недоверчиво пялящемуся на нее хозяину. – Так не найдется ли для гостей какой овчины?

Старик нехотя кивнул. Поднялся. Прошел к печи. Встал на табуретку и, по пояс забравшись на полати, чем-то там пошуршал и под недовольное бурчание уже прикорнувшего внука скинул на пол две подушки и два овчинных одеяла.

– Чем богаты! – А сам полез на печку под бок к Митяю.

– Сгодится! – Тетя подошла, прихватила одеяла, подушки и принялась сооружать постель в двух шагах от печки. При чем одно одеяло она использовала как матрас, а второе по

его прямому назначению. Затем обратилась ко мне: – Ну, доня, чего сидишь, точно медом к табуретке примазана? Иди, ложись. Утро вечера мудренее! Это вас всех касается!

– Раскомандовалась! – Змей зевнул во всю пасть и растянулся прямо на полу.

– А тебя никто и не заставляет! – тут же отреагировала тетя. – Домашним животным место на улице!

– Это... что же получается? – Змей даже с кряхтением поднялся. – Это значит, после всех твоих неудачных магических опытов я еще и домашнее животное? И долго я буду терпеть такое поведение от престарелой злопамятной «бабы-яги»? А все из-за того, что я тебя с Васькой перепутал? Да?

– Не-е-ет! Что ты! Я не злопамятная! Просто злая и у меня память хорошая! – звонко расхохоталась тетя. Я заметила на дне ее зеленых глаз разгорающееся свечение и мысленно пожелала Змею удачи. – Обожаю, знаешь ли, когда кудрявые толстяки называют меня старухой. Прямо тащусь, как питон по гвоздям!

– Фу! Мадам! Откуда у колдуньи с таким известным именем такой портовый лексикон? – Змей явно рисковал. Причем сильно! – Теперь понятно, в кого пошла Василиса с ее воспитанием? И это, прошу заметить, она сейчас на порядок воспитаннее вас будет. А все потому, что те несколько недель наших совместных путешествий не прошли для нее даром.

– Ах, значит, я не умею детей воспитывать?! – Тетя подбоченилась, а ее глаза и вовсе превратились в два горящих мертвенным светом фонаря. – Отлично! Вот заодно и проверим на тебе! Путь наш будет долог... Кстати, команда была спать! И... закрой за собой дверь с той стороны!

– Не дожدهшься, ведьма злая! Я тебе не жертва, типа Василисы! Я уйду! – Змей развернулся на сто восемьдесят градусов, тяжело протопал к двери и так жахнул ею, что с притолоки отвалилась прибитая подкова.

Мы с тетей слышали, как под лапами Афанасия захрустели старые ступени крыльца и глухо хлопнула калитка.

– Будет знать, на кого свою клыкастую пасть разевать! – наконец отмерла она. Улеглась на импровизированную кровать и, сложив руки на одеяле, посмотрела на меня. – Ну а тебе чего, особое приглашение нужно?

– Знаешь... – Я покусала губы, пытаюсь сдержать все то, что рвалось из меня наружу. Не получилось... – Ты не права! Ты не имела права обижать моих друзей! И я тебя сюда не звала! И... да! Из тебя плохой воспитатель!

На тетю было жалко смотреть. Ее ведьмин взгляд потух, и она часто-часто заморгала. Так, словно собиралась заплакать. Только в ее голосе по-прежнему оставались командные нотки.

– Доня! Немедленно скажи, что твои слова следствие нервного переутомления. Или я...

– Или ты – что? – Я прищурилась, чувствуя, как раздра-

жение, обида сменились гневом. Вот почему? Зачем она так со мной?

– Или я... Боженьки ты мой! – Тетя вытаращилась на меня так, словно увидела призрака. – Это чего такое? А? Ну-ка быстро говори – чего это такое, а?

Плавали, знаем! Тетя – актриса от бога! Виновата, а признаться немоготу! Вот и устроила цирк!

– Самогонка это, на белене настоящая! Пойду прогуляюсь! – и, не слушая угроз тети по поводу ремня, угла, гороха, я прошагала к двери, распахнула ее и вышла в ночь.

Никакой жути во дворе меня не поджидало. Просто ночь. Ароматная от скошенной травы и летнего зноя, теплая, как бархат папенькиного одеяла, мелодичная от оркестра сверчков, лягушек и ветра в камышах, разноцветная от огоньков светлячков и рассыпанных щедрой рукой по небу самоцветов-звезд.

Просто ночь!

За спиной слышались вопли Мафани, и я, дабы не усугублять нашу ссору, бросилась бежать по невидимым в темноте, но таким осязательным под ногами грядкам, к распахнутой настежь калитке. Вдруг получится догнать Афона?

Отбежав к деревьям, я остановилась. Я видела, как по двору ходит Мафания. Уже не ругаясь, она только просила меня вернуться, но я не вняла просьбам. Постояв немного, развернулась и пошла вперед куда глаза глядят.

Я не хотела этой ссоры. Не хотела того, что произошло. Я

понимала, тетя переместилась ко мне, чтобы помочь. Чтобы в тяжелые для меня дни я была не одна. Чтобы я чувствовала поддержку. Но! За то время, пока мы с Ником и Афонном искали кольцо, я незаметно для себя изменилась. Я стала взрослой, я научилась отвечать за принятые мной решения, и мне больше не нужны были няньки.

А еще – мне очень не нравится, когда обижают моих друзей! Тем более что их так мало!

Село и впрямь точно вымерло. Может, жители действительно боялись выйти на улицу из-за «страшной ночи», а может, мы настолько увлеклись ссорой, что совсем позабыли о времени и селяне уже попросту спят.

Я прошла по главной улице, сопровождаемая редким бреханьем собак, постояла у большого дома (надо полагать, Головы) и, не заметив ничего подозрительного, уже собралась вернуться в избу деда Олеся, как вдруг над головой что-то просвистело, клинком разрезав ночной воздух. Чувство, что за спиной кто-то стоит, пришло внезапно, заставив меня поспешно развернуться.

– Афанасий! – облегченно выдохнула я. – А я думала, что не найду тебя!

– А ты действительно искала? И не по тетиной наводке? – Змей заложил лапы за спину и, не мигая, уставился на меня желтыми выпуклыми глазами.

– Я с ней поссорилась. Не хочу, чтобы за меня решали, как жить! Я не маленький ребенок! – И, заметив его недоверчи-

вый взгляд, даже притопнула ногой. – Больше нет! В конце концов! Где она была, когда мне действительно нужна была ее помощь?! Почему не переместилась ко мне, если это так легко? А сейчас пришла и считает, что может распоряжаться мной, как своей собственностью?! Обижать моих друзей?

– Ну... это ты погорячилась! – Афон подошел ближе и неловко обнял меня за плечи. – Я это... того... скажу, что права была твоя премудрая тетушка, когда говорила об истинности намерений.

Ой, что-то я слышу в его голосе нотки вины... И с чего бы это?

– Ты сейчас о чем? – Я отстранилась и заглянула в его желтые глаза. Он отвел взгляд.

– Я ведь с вами с самого начала тоже не бескорыстно поперся. Думал облик свой вернуть.

– Ну, так вернул же! – Я нахмурилась. Коню понятно, что все «поперлись» ради какой-то первоначальной выгоды. – Главное-то не в том, из-за чего ты пошел, а почему остался! Ведь ты остался!

– Ага... – Змей вздохнул. – Только благодаря твоей тетушке выяснили, что я снова остался из-за корысти. Облик-то человеческий теперь снова возвращать надо!

– А что за любовь у тебя большая, про которую тетя говорила? Ну, что, мол, сначала стань человеком на делах, тогда человеком к зазнобе своей придешь... А?

Змей вдруг смутился и решительно сменил тему.

– Вот что я скажу тебе, Василиса! Надо Ника выручать. Я обещал – я сделаю! А когда выручим, тогда обо всем и поговорим! Коли живы будем!

Ой, не к добру такие заявления! Честно – больше всего на свете не любила разочаровывать хороших людей. Точнее, друзей. Короче, змеев! А ну как решит он мне в любви признаться? И что я ему скажу? Хотя тут и говорить особо нечего. Он и так все прекрасно понимает и даже знает, кем отныне и довеку занято мое сердце!

А может, все же не признается? Или не мне?

– Ладно. – Не зная о чем говорить, я покосилась на обступаящие нас почти исчезнувшие в темноте дома и предложила: – Может, вернемся?

– Вообще-то я хотел на озеро слетать. Помыться. А то из-за твоей тетушки, чтоб ей так всегда везло, не довелось мне в баньке попариться. Дымом даже от змеючьей кожи тянет! – Змей неловко оскалился.

– Ну так пойдем! – Я пожала плечами. Это же здорово! Всегда мечтала искупаться при свете луны! И запоздало испугалась: – Стоп, а как же призрак?

– Ха-ха! – Змей заколыхался от смеха. – Да в таком облике я не только призрака – Пепельного напугаю!

– И то верно! – согласилась я. – Только больше не упоминай при мне это имя. Идет?

– Идет! – Змей протянул мне когтистую руку, и я солидарно хлопнула по ней ладонью.

Где-то в Пекельном мире...

– Василиса! Васька, Василек! – Как же хорошо быть рядом с любимой! С подаренной ему судьбой красавицей! Взбалмошной выдумщицей, веселушкой! Василисой! Он мог придумать ей сколько угодно ласковых прозвищ просто потому, что ему нравилось ее так называть. Ему нравилось видеть, как она млеет от его ласк, смущается от его силы, загорается страстью от его слов. – Как же я схожу с ума, когда тебя нет рядом. Умираю, представляя тебя одну, без помощи и защиты! И некому отогнать ночной кошмар! Василек!

Ее веки дрогнули, а губ коснулась игривая улыбка. Она его! Его на веки! И никто ее не сможет у него забрать! Потому что он... он... Кто он?

Ник стиснул руками виски, спасаясь от пронзающей боли. А действительно, кто он? Пленник? Раб? У него даже нет будущего! Совершенно неясно, зачем Пепельный держит его в клетке. Не как раба – как узника! Почему не убил его еще той ночью, в пустыне, когда нашел его и свое заговоренное колечко? Ведь такое не прощают! Он, Ник, совершил святотатство! Похитил у владыки Пекельного мира перстень власти, перстень силы! Если знать как, он мог бы легко захватить власть в этом сумрачном государстве. В мире боли и отчаяния! Ну, по крайней мере как считали живущие под ясным небом да жарким солнышком. А так мир как мир! Не

хуже и не лучше.

Он не раз с высоты своей клетки видел тех, кого Пепельный называл слугами, а чаще рабами. Кто-то был похож на него – обгорелое подобие хозяина! Кто-то напоминал страшных чудищ из легенд, а кто-то выглядел как простой смертный.

Обычный мир!

Василиса потянулась, сладострастно выгнулась на его руках. Тихонько застонала. И не открывая глаз – улыбнулась.

– Боги мои, как же ты прекрасна! И как же ты сводишь меня с ума!

Ник не утерпел и коснулся губами ее губ. Таких сладких... Таких влажных... Таких... холодных?

Глаза Василисы распахнулись, наполненные призрачным светом небесной лазури. Она вдруг открыла рот, и ее мягкий, чуть шершавый язык... принялся умыть его не хуже заправского банщика!

– Василиса! Вася?! – Шок сменился удивлением, из темного омута памяти родились образы, которым послушно придал звучание его голос. – Фу! Место, Феликс, Закир!!! Фу! Лежать, мальчики!

Он еще выкрикивал непонятные команды, а глаза уже распахнулись, вырывая сознание из пут колдовского сна.

Пятиглавые собаки Пепельного?! Значит, он умудрился уснуть, нежно обняв прутья решетки, и теперь две здоровенные, черные, с красными подпалинами пятиглавые твари пытались его освежевать! Причем через прутья решетки, слю-

нявыми, колючими, будто терка, языками!!!

Мозг еще пытался справиться с накатившим, обездвиживающим ужасом, а тело уже успело среагировать, каким-то неведомым кульбитом перенеся его к дальней стене и буквально вдавив спиной в острые камни.

С губ сорвался хрип. Не в силах пошевелиться, Ник смотрел, как дьявольские собаки, не получив добычи, потыкались носами в решетку, обиженно коротко тявкнули и, привлеченные зычным криком хозяина, будто на крыльях сиганули вниз.

Вот так поспал!

Да еще этот сон – будь он неладен! После таких снов как никогда остро начинаешь понимать безысходность, одиночество и катастрофу, которую не отменить и не исправить! Табун уже мчится, набирая скорость, к пропасти. И не затормозить, не остановиться и уж тем более не повернуть назад!

Зря он тешил себя надеждой. Он – мертвец! Пепельный скормит его этим зубастым тварям, как только получит то, что хотел!

А что он хочет?

Василису?

– Ну что? Как прошел сеанс лечебного сна? – От писклявого, знакомого до боли в подмышках голоса Кобылки-горбылки Ника передернуло. Так вот, значит, кому он должен быть благодарен за свое испорченное настроение! – Самооценка поднялась?

– Не опустишь! – рыкнул он. Оттолкнулся от стены и встал на ноги, с опаской поглядывая вниз, туда, где в пелене не то дыма, не то тумана слышалась собачья грызня. Небось уже делят чью-то плоть! Как же вовремя он проснулся! Но даже не это главное, а то, благодаря *кому* он уснул! – Спасибо за помощь!

– Ой, да не за что! – Но кобылка, кажется, не заметила недовольство, прозвучавшее в его голосе. – А я тебе весточку с воли притаранила! Угадай от кого?

Сердце бешено заколотилось, отдаваясь молотом в висках. Губы сами шепнули имя любимой.

– От Василисы?!

– Ха, размечтался! – Крылатая бестия даже показала язык, а когда он попытался ее как муху прихлопнуть, исчезла и бесстрашно появилась перед глазами. – От нее ты долго приветов еще не дождешься! Обидел ты ее, Ник! Сильно обидел!

– Да чем?! – не выдержал он, рывкнув на свою мучительницу в полный голос. – Чем я ее обидел?

– Недоверием! Обманом! Зачем таился от нее?

– Хотел, чтобы и она влюбилась в меня так же, как я в нее!

– Верю! Шикарный план! Только надо было молчать до последнего!

– А я ничего ей и не сказал! – Губы Ника искривила горькая усмешка. – Не успел!

– Ты – нет! А вот кореш твой с соломенными мозгами – так очень! А все потому, что сам клинья к принцессе подби-

вает! И поверь, пока ты тут баланду хлебаешь да псов местных развлекаешь – подобьет! – Хлоп! Горбатый призрак рассеялся под его ладонью струйкой дыма и снова появился у него перед глазами. – А и еще! Привет тебе от Борюсика-рыжусика. Снова заговорил! Правда, говорит, такого натерпелся – в страшном сне не увидеть.

Как объяснить этой мучительнице, что в данную минуту ни о ком, кроме Василисы, ему думать не может? Сказать – значит обидеть Борьку. Ведь эта тварь летучая обязательно передаст коняге его слова, да еще и смысл извратит!

– И что с ним произошло? – Ник изобразил искренний интерес.

– А ничего особенного! Просто пообщался с Мафаней – тетей зазнобы твоей. Говорить – заговорил, но после того как увидел, что та сделала с Афанасием, – начал заикаться! Так-то!

– И что она такого сделала? – Мафания? Мировая колдунья! Они знакомы с тех пор, как она нашла его лежащим под кустиком без чувств после бегства из царства Пепельного и выходила. Совсем еще девчонка, подросток. Василисы тогда и на свете не было... – Послушай... А может быть, она мне поможет? Если только Василек додумается обратиться к ней за помощью!

– Э... не! Думай сам, как выбираться! – Горбатая бестия кувыркнулась в воздухе и пропала. Лишь остался звучать ее голос. – Вот тебе домашняя работа: вспоминай, как ты от-

сюда сбежал! Ну и самооценке не давай опускаться! Держи планку! А мне к душам заблудшим надо!

– Чтоб и тебе вместе с ними заблудиться! – в сердцах пожелал ей вдогонку узник.

За что ему все это?!

Глава 4

– Слушай, а правильно ли мы идем? – озвучил мой вопрос Афон, когда озеро не появилось и не «после этого деревца», и не «за тем холмиком». Ночь как будто стала темнее, и сквозь ее темноту, вуалью раскинувшуюся над миром, не пробивался даже свет звезд. Только красноватая луна одиноко подмигивала нам, не то радуясь, не то предупреждая.

– А леший его знает! – Хотелось вернуть словцо покрепче, но я решила не каркать. Может, сами заблудились, а может, и вправду кто по кругу водит! – Мы же минут пятнадцать назад прошли дом Олеся. Насколько я помню, озеро сразу за ним! Я его в окно видела. Близко!

– Может, и близко. Да только свернуть не туда – пара пустяков! Глянь, ночь какая темная. Вдруг прошли мы то озеро?

– Тогда, может, домой вернуться? А то заведет нечистая... – Я поежилась, ощутив спиной чей-то пристальный взгляд. Сзади хрустнула ветка, заставив сердце испуганно заколотиться. Поспешно развернувшись, я вцепилась в руку Афона и огляделась. – Есть здесь кто?

– Ага, так они тебе и скажут. И бумажку с царской печатью предоставят. Чтоб уж наверняка нас сомнения не мучили.

– Не издевайся! В конце концов, кто из нас маг-практик? – Я заставила себя отстраниться от зубоскалящего Змея. Ага!

Ему-то хорошо! Вон рожа какая! Одни светящиеся желтым огнем глаза чего стоят! – Ты! Вот и сделай так, чтобы дорожка нас клубочком к озеру вывела! Страшно же в темноте бродить!

– Надо было тетку слушаться и спать ложиться, коли страшно! – Змей теперь сам схватил меня за руку и притянул к себе поближе. – Стой тут, принцесса, и не рыпайся! Я что-то чую...

И грозно рявкнул в темноту:

– Я знаю, там кто-то есть! Выходи, или топориком кинем!

Поначалу ничего не произошло, только усиливающийся ветер скрипел во тьме ветвями деревьев. Затем послышался хруст приминаемого валежника, и из темноты выткалась морда волка.

– Не! Не надо топориком, – торопливо попросил ломающийся юношеский тенорок. – Я хоть и невидимый почти всегда бегая, а лапти склеить враз могу! Да и что я такого сделал? Ну, иду за вами. Может, скучно мне? Я же, когда вы спросили: есть тут кто – ответил. Раза три кивнул, мол, есть! Есть тут кто! Я есть...

– А ничего, что в темноте твоих киваний не видно, чудо-юдо говорящее! – не выдержала я. На Борькином опыте наученная: если животное говорит, значит, можно договориться! – Ну и отвечал бы по-человечьи, раз балакать умеешь!

– Чтобы вы в меня, не разобравшись, топорик метнули?

– Да это я так, для проформы ляпнул! Не хватало еще на волков топорики разбазаривать! – утешительно фыркнул Змей. – Мы бы в лучшем случае в тебя палкой кинули. Или булыжником. Их здесь – полно! Ну что? Давай знакомиться, ежик ни хвоста, ни ножек?

– Я не ежик, я – Фома! – обиделась голова волка. – А вы кто?

– Странное имя для волчары! – будто не слыша вопроса, подметил Афон и уточнил: – Так ты человек в облике волка или волк в человеческом обличье?

– А можно выбрать третий вариант ответа? Я – несомненно, человек, но в невидимом, можно сказать – призрачном, облике волка.

– Это как? Прозрачный весь? – осклабился Змей, но волчара оставался серьезным.

– Ну, можно сказать и так! Считайте, что я – призрак.

– Поздравляю! Стоп. Ты – кто? – Вот так всегда, Афанасий сначала поставит точку, а затем начинает соображать, в том ли месте. – Ты что, мертвый?

– Нет, я не совсем чтобы призрак... Скорее совсем не призрак... Я – живой! Был... – Волк задумался. – А ведь верно! Если в описании себя любимого используются слова «был» и «призрак», значит... я – того? Да? – Зверь полностью появился из темноты, сел и вдруг завыл в голос: – Бедный я, несчастны-ы-ый! Никому не нужны-ы-ый! Маменька покинула, батька оплакал, сестрицу камень тяжелый держи-и-ит!

А все ведьма виновата-а-а-а! Чтоб ей так же, как мне, псиной блохастой по полям да по лесам бега-а-ать!

– Как я тебя понимаю, друг! – расчувствовался Афон, признав в волке собрата по несчастью. – Я тоже когда-то был статным, высоким красавцем-блондином, пока одна ведьма страшная из меня вот такого крокодила не сделала! Чтоб ей... всего хорошего, да побольше!

– Стоп-стоп! – насторожилась я, вовремя перебив вот-вот готовые вылиться на голову моей тети сочувствующие комментарии волка. Просто за компанию из мужского шовинизма. – Говоришь – маменька тебя покинула? А давно?

Волчара поджал хвост, потупил синие человечьи глаза и потрусил вперед, не забывая рассказывать свою биографию:

– Давно. Я тогда еще мальцом был. А тут мамка сбежала, батя запил. Привели селяне ведьму! Та за свои услуги попросила у отца наши с сестрицей жизни, да только он наотрез отказался. Дождалась ведьма, когда отец уснет, увела нас с сестрицей к озеру и совершила над нами какое-то колдовство. Наутро очнулся я зверем: вроде живым, но невидимым, а сестрица русалкой стала...

– Значит, ты – сын Головы? – тоже дошло до Афона. – Так это вы тут с сестрицей народ пугаете?!

– Мы?! Не-е! – Волк на миг оглянулся, мотнул головой и продолжил путь. – Мы сами боимся.

– Кого?

– Не кого, а чего! Магии злой!

– Что за магия такая? Чья? – не утерпела я и, догнав призрака, пошла рядом. – Кудыки?

Волк остановился, посмотрел мне в глаза и попросил:

– Не произноси этого имени вслух! Она ведь может и вернуться!

– С того света не возвращаются! Даже такие ведьмы, как она, – многозначительно улыбнулась я.

Кто бы знал, каких усилий мне стоила эта бравада! Как вспомню эту ведьму приставучую, так мурашки по спине стадами носиться начинают.

– Она умерла?! – Волк недоверчиво прищурился, и тут до него дошло. – А как же я? Я-то по-прежнему невидимая зверушка! Значит, со смертью ведьмы чары не исчезают?

– Смотря какая ведьма! Некоторое колдовство вообще может навсегда остаться! А у вас его, если честно, над всей деревней такой фон – мама не горюй! – припечатал Змей, но, глядя на понурившегося призрака, начал утешать: – Да нет, не поверю, что вашей беде нельзя помочь! Наверняка есть какое-то контрзаклинание!

– Может, и есть, но я его не знаю, – неохотно буркнул волк и снова потрусил вперед. Вскоре я почувствовала запах воды и догадалась:

– Ты ведешь нас к озеру? Зачем?

– Я когда за вами шел, слышал, как Крокодил сказал, что желает искупаться! – Волк вильнул хвостом и исчез в прибрежных камышах.

Мы с Афоном переглянулись.

– Крокодил? – переспросил он. – Какой еще крокодил?

Я прыснула со смеху.

– Так ты!

– А почему он меня так называет? Я ведь и обидеться могу! – Складки на лбу Афона вздыбились горами, выражая неподдельное удивление.

– Думаю, парень принял за чистую монету твой рассказ о том, как ведьма страшная превратила тебя из красавца блондина в крокодила, и решил, что Крокодил – это твое имя!

– А! – Афон с хрустом почесал затылок и, решив не заморачиваться, пожал плечами. – Ну и фантазии тут у них! Пойдем, что ли, к озеру, раз пришли?

Но не успели мы ступить на песчаный пляж, как земля под ногами зашевелилась. Я со свистом втянула воздух, с ужасом разглядывая ковер из змей, неведомо откуда заскользивших под нашими ногами.

– Афон, змеи! – взвизгнула я и в следующую секунду оказалась у него на руках.

– Где?! – Он распахнул желтые глазищи так широко, что мне показалось, будто они сейчас выпадут.

– У тебя под ногами! – Я свесилась, разглядывая ковер из угрожающе шипевших тварей. Одно радует – у Афона лапы бронированные, ни одна змеюка не прокусит.

Тот внимательно огляделся и с подозрением посмотрел на меня.

– Опять видения?

Я даже обиделась.

– Да какие видения?! Вон же они! По всему берегу!

– Да нет тут никого! – Он качнул головой и направился к темной глади озера. – Может, тебе пустырник попить? Чаёк? А не хочешь чаёк, так я скажу, как настоечку забубе... Ох ты ж ежик!

Не дойдя до воды каких-то пары шагов, он замер, в ужасе уставившись на что-то прямо перед собой.

– Вась, ты его тоже видишь?

Теперь пришел мой черед разглядывать пустынный берег.

– Кого?

– Пепельного! Он нас прямо у воды ждет. Рукой машет.

– Где?

– Вон!

– Змей – вижу! – честно призналась я. – Пепельного – нет!

– Да я смотрю, у тебя не только с головой плохо, но и с глазами! – вдруг обиделся Афанасий.

– Это кому еще плохо?! – Я хотела его попросить поставить меня на землю, но посмотрела на извивающийся ковер под его ногами и передумала. – Афон, ну честно! Не вижу я никакого Пепельного!

– Ай! Ой! – Змей вдруг принялся выплясывать какой-то странный танец: будто уклоняясь от чего-то и в то же время подпрыгивая. – Жжется! Жжется!!!

Я крепче вцепилась в его чешуйчатую шею. Еще неиз-

вестно, кто из нас сошел с ума!

– Афон! Что с тобой? Что ты видишь? Прекрати меня трясти!

Но Змей меня не слышал. Прижал к себе покрепче и, не переставая прыгать, зарычал.

– Не бойся, принцесса! Я не дам ему нас сжечь! Он не получит тебя, как уже однажды заполучил Ника!

Чтобы он хоть как-то меня заметил, пришлось завопить ему в ухо:

– Да с кем ты разговариваешь?! – И дать пощечину. – Черт! Руку отбила!

– Принцесса? – Взгляд Афанасия стал осмысленным. Он растерянно огляделся. – А где Пепельный?!

– В своем мире, надеюсь! – Я на всякий случай взглянула на песок и, не увидев вертких тварей, даже помотала головой. Змей не было! – Кажется, на нас с тобой напустили морок!

Послышался плеск воды, и мелодичный голосок сообщил:

– Это заклятье ведьмы: испытание страхом! – К берегу подплыла девушка. – Уходите! Еще никто не оставался в своем уме, переночевав здесь в *эту* ночь.

– Так мы не ночевать. – Я наконец-то исполнила свою мечту и скользнула на песок из лап Змея. Что там говорил дед Олесь про важность этой ночи?

– Вы не из нашего села! – догадалась девушка. – И зачем вы сюда пришли?

– Вообще-то искупнуться! – смущенно кашлянул Афон, честно стараясь не пялиться на полные зеленоватые груди девушки. – Можно компанию составить? Не помешаем?

– Вы действительно ничего не знаете? – Девушка с интересом взглянула на него и приподнялась, выставляя напоказ свою красоту. Кажется, она ничуть не смущалась наготы. Наоборот! Мне показалось, что ей нравится внимание моего спутника.

Ну, хватит, мне все это надоело!

– Девушка, нам до лампадочки ваши тайны, или рассказывайте, или посторонитесь! Не мешайте моему другу помыться! Надеюсь, здесь пиявки не водятся?

– Так вы сюда пришли не помогать? – Девушка наконец-то обратила свое внимание на меня, и в ее глазах зажегся нехороший огонек.

– А чего вам помогать? Я смотрю, вам и так хорошо! – хмыкнула я и взглянула на Афона. – Ну? Что стоишь, как истукан? Если нужно грязь смыть – вперед! Нет – значит, домой пошли. Нас там уже ждали!

– Дык... Я б искупнулся... – Он посмотрел на меня, бросил взгляд на подавшуюся вперед зеленокожую красавицу и смущенно развел руками. – Точно не помешаю?

– Не мешаешь! Мне уже давно одиноко и... холодно... – Ее интонации изменились. Стали требовательными и томными. Она оттолкнулась от берега и, плеснув хвостом, скрылась в темных водах озера.

Афон как замороженный направился за ней, но перед самой кромкой воды перед ним возник призрачный волк:

– Стоп! Забыл предупредить! Если ты пойдешь за моей сестрицей в озеро, то на берег можешь и не выплыть.

– То есть как – не выплыть?! – нахмурилась я. – Разве ты нас сюда привел не для того, чтобы Афон мог спокойно ополоснуться?

Волк почесал лапой нос и покаянно чихнул.

– Ну, вообще-то вы сами хотели прийти к озеру, а я вам не мешал, потому как редко кто теперь сюда приходит. Все боятся этого места и считают гиблым. А вдруг именно у вас получится нас расколдовать?

– У вас с сестрицей это что, наследственное: туману напустить и ждать, когда люди сами во всем разберутся? – возмутилась я и приказала: – Ну-ка, давай рассказывай, зачем нас сюда заманили? Да еще и страшилок напустили.

– Это не мы! – Волк совсем по-человечески вздохнул. – Это ведьма. Я обманул вас, когда сказал, что не знаю, как ее чары развеять. Думал, испугаетесь вы и, как все, обойдете озеро стороной.

– И как же развеиваются чары? – Змей уже и думать забыл о русалке и теперь с интересом прислушивался к нашему разговору.

– Все очень просто! Если хоть один смертный добровольно придет сюда и, не поддавшись страху, просидит до утра, мы снова станем людьми.

– Значит, я была права и змеи мне привиделись! – победно хмыкнула я и посмотрела на задумчиво покусывающего коготь Змея. – А тебе привиделся Пепельный и огонь!

– Да я уже это понял. – Он оглядел озерную гладь, взбаламученную верткой русалкой. – А сестрица твоя, как там ее по имени, всегда своих спасителей на дно озерное тянет?

– Ее зовут Анна. И это не ее вина. Ведьма заморозила ей сердце. Сестре все время холодно и одиноко. Она думает, что согреется от присутствия рядом смертного, но ее разум спит. Сестра не понимает, отчего ее избранники умирают, едва достигнув песчаного озерного дна. А после очередной смерти ее сердце становится еще холоднее от груза разочарований и вины.

– Отлично! Теперь все понятно! – Я сложила руки на груди. – Значит, чтобы вы снова стали людьми, нам с Афоном надо просидеть здесь до рассвета?

– Совершенно верно! – обрадовался моей прозорливости волк. – И главное – ничего не бояться.

– Ну, если по мне снова змеи заползают, я испугаюсь, и еще как! – засомневалась я.

– И когда в меня огнем кидаться будут – я тоже испугаюсь! – поддакнул Змей.

– Но теперь-то вы знаете, что все это ненастоящее! – подбодрил нас волк. – Самое легкое, как можно справиться с колдовским мороком, – отвлечь сознание. Все равно как! Пусть даже так, как это сделала ты, девушка! От души вреза-

ла Крокодилу и сама из-за боли в руке очнулась от видений.

– Во-первых! Я никакой не Крокодил! Я – Афанасий! – вызверился Змей. – А во-вторых – не вижу ничего хорошего в том, что редкий исчезающий вид Змеев Подгорных лущуют направо и налево! У меня, может, под этой чешуей душа слишком тонкая! Я, может, не привык к такому обращению!

– Ну, я вас предупредил! – Волк, видимо, решил, что на этом его миссия по собственному спасению выполнена, и, выдав нам ценные указания, исчез.

– Здорово! – Афон вздохнул и уселся на песок. – Значит, мы с тобой до утра должны колотить друг друга по роже и не поддаваться на чары русалки! Всю жизнь мечтал именно так провести ночь с очаровательной девушкой!

– Интересно, а когда наступит рассвет? – Я уселась рядом, прижавшись к его теплому боку.

– Скоро. Очень скоро! – обнадежил меня Змей и вздохнул, разглядывая звездное небо.

Сколько мы так просидели – не знаю. Несколько раз к берегу подплывала русалка, но так и не смогла заманить Афона в свое озерное царство. Вначале отвлечь его внимание было нелегко, но когда девица в очередной раз всплыла и принялась зазывно трясти перед нами грудями, я решилась:

– Девушка, я все понимаю. Одиночество, нехватка мужского пола среди рыб... Но кто еще вам скажет? Раз уж так получилось, что судьба свела нас сегодня всех вместе, я попросту обязана открыть вам глаза. То, что вы нам уже до-

вольно давно демонстрируете, не вызывает у моего спутника ничего, кроме отвращения. Зеленые... в водорослях... по размеру, простите, как у коровы! Ну кого вдохновят новые отношения, если перед глазами «объекта вашего интереса» находится такая красавица, как я. Причем уже довольно давно! Соображаете?

Змей в ужасе покосился на меня, затем бросил взгляд на русалку и помотал головой.

– Госпожа, это чисто субъективное мнение принцессы! Знайте, что я так не думаю!

– Новые отношения? Я и не знала, что ты трус! Только чего ты боишься, пучеглазый, если я тебе так неприятна? Тьфу! Знала бы – время не тратила! От отвращения да страха не больно-то согреешься! – не выдержала русалка и плеснула хвостом, скрываясь в светлеющей воде. Напоследок до нас донесся ее обиженный голосок: – Совет вам да любовь! Сказал бы сразу, что она для тебя уже даже не женщина – принцесса!

– Да не для меня... а вообще! Эх... – Змей махнул рукой. – Ну и правильно! Зачем обращать внимание на чьи-то зеленые дойки, когда в сердце уже живет образ той... единственной и неповторимой...

– Это кого? – насторожилась я.

– Принцессы! – вздохнул Афон. Положил подбородок на сомкнутые в замок пальцы и вперил тоскующий взгляд в светлеющий небосклон.

– Кстати, а почему мы больше никаких страшилок не видим? – Я поспешно сменила тему.

Змей равнодушно огляделся и спросил, скорее для поддержания разговора:

– А чего ты больше всего в жизни боишься?

Я пожала плечами.

– Конкретно или вообще?

– Вообще! – уточнил Афон. – Например, пауков. Боишься?

Старательно представив себе образ паучка, я даже затаила дыхание и огляделась. Ничего!

– Не, наверное, не боюсь. Я, когда маленькая была, их в ведро собирала. А еще имена давала.

– Ты, наверное, маленького представила? – прищурился Змей и добавил описания: – А представь здорового паучару с железными жвалами, черной шерстью и россыпью глаз?

Я задумалась. Песок снова зашелестел, зашевелился, и в метре от меня из песка выбрался паук, в точности такой же, как его описывал Афанасий. Угрожающе лязгнув жвалами, он уставился на меня точками глаз и медленно зашагал в нашу сторону.

– Ой, мамочки! – Секунду я разглядывала тварь, а затем поймала себя на том, что уже лезу к Афанасию на загривок.

– Вот! Что и требовалось доказать! – Он сдернул меня на песок и, скрутив руки так, что я аж взвыла, принялся увеще-

вать: – Это не то, что ты видишь! Это лишь атомарные частицы черного колдовства, разрушающиеся от силы нашего убеждения!

То ли от воздействия непонятных слов, то ли от интонации его голоса, но шагающий к нам монстр дернулся, затропился и, точно мираж, развеялся от дуновения теплого предутреннего ветра. Я даже перестала выдираться из лап Афанасия.

– Что за тарабарщину ты там сказал? А если еще раз и по-нашему?

– Глюки, говорю, все это! – перевел Афон. – Ведь я понимаю, что Пепельного рядом нет, а все равно его боюсь. Ведь ежели он нас поймает, то сожжет и не заметит! Говорят, он не любит смертных. Монстров из них создает. Когда я был в его мире, то видел клетки с такими, как он! С такими, каким стал Ник. Я пообещал отвести тебя к нему, но на самом деле я очень боюсь туда возвращаться! А еще там есть такие здоровенные пятиглавые собаки, которые служат только властелину Пекельного царства! – Афон вдруг поперхнулся, закашлялся и, выпучив глаза, принялся отползать назад, не сводя взгляда с чего-то видимого только ему. – Ой, мамочки! Вась, скажи! Того, что я вижу, на самом деле нет?

– А что ты видишь? – насторожилась я, с опаской оглядываясь. Никого и ничего!

– Целое полчище Пепельных идет ко мне из озера и ведет с собой громадных псов! – Он с трясущимися от страха гу-

бами устави́л когтистый палец в пустоту.

– Ладно, друг, себя не жалея, спасу тебя от твоего кошмара. – Я понимала, что Змея надо отвлечь от видения, но как? Если залепить ему оплеуху, завтра с рукой у меня будет совсем плохо! Тогда... А что тогда?

Я привстала, огляделась. Заметив совсем рядом чуть занесенный песком булыжник, взяла его в руку и, размахнувшись, с силой опустила на недлинный, но широкий хвост Афанасия. Змей взвыл, подскочил как ужаленный и, пытаясь заглянуть себе за спину, принялся крутиться волчком.

– Они подожгли мой хвост! Мой хвост!

– Нет, это я! Я спасаю тебя от кошмара! – Я бросилась его ловить, совсем не подумав, что в таком состоянии он втопчет меня в землю и не заметит.

– Ты? – не переставая крутиться, завопил он. – Так это ты сожгла мой хвост?!

– Нет, это камень!

– Камень сжег мой хвост?! – Похоже, Афона заклинило. Радует, что хоть Пепельные ему больше не видятся.

За игрой в «Попробуй догони» нас и застучала тетя.

Магический переход раскрылся бесшумно, поэтому я сначала услышала ее сварливый голос, а затем увидела и ее саму, шагающую к нам. Но самое главное было в том, что в непослушных локонах ее темных волос запутались первые, красновато-золотистые лучики восходящего солнца. Самая страшная ночь закончилась!

– Значит, я не сплю! Волнуюсь! Блю... Болею с похмелья! А они тут в салочки играют! Ну, племяшка! Ну, подожди, вернемся мы домой!

Афон даже забыл о желании поймать свой хвост. Минуту разглядывал взлохмаченную тетушку и, возопив диким голосом, попер на нее:

– А вот фигушки! Не боюсь я тебя, ведьма страшная!

– А надо бы бояться! – Тетя не растерялась, подпустила его поближе и залепила такой хук слева, что Афона развернуло. Какое-то время он стоял, выпучив глаза, а после как подкошенный рухнул на песок. – Это тебе за «страшную»!

Послышался плеск воды. Мы с тетей разом обернулись, разглядывая выходящую из озера нагую девушку. Русалочий хвост сменили вполне обычные ноги, а зеленый цвет кожи исчез вместе с ночным сумраком. Теперь она выглядела вполне по-человечески и так же вполне по-человечески смущалась своей наготы.

– Спасибо вам, люди добрые!

– За что? За бои без правил? – подбоченилась Мафа, недовольно ее разглядывая. – Я бы тоже не отказалась на это посмотреть со стороны! Откуда ты такая нарисовалась не сотрешь?

– Это, тетя, русалка! Была. Сестра призрака, о котором дед Олесь говорил, – коротко просветила я родственницу. Как бы она и ей с ноги не зарядила. За компанию. – Так вот, мы с Афоном ее расколдовали. А волк где-то тут бегают...

– Жалко, я берданку из дома не захватила! – нахмурилась она и, углядев что-то у меня за спиной, насторожилась. – О, а это еще что за процессия к нам пожаловала?!

Я обернулась, глядя, как из камышей на пляж высыпало с десяток селян. Седой как лунь, но совсем не старый мужчина вместе с невысоким подростком лет семнадцати бросились к растерянн озиравшейся девушке и принялись натягивать на нее какой-то цветастый халат и тапки. А к нам направился сухонький дед с совершенно безумным взглядом.

– Спасибо вам, добрые люди, что развеяли злые чары и убили колдуна!

– Кажется, по сценарию была колдунья? Нет? – Тетя испытующе посмотрела на меня.

Я растерянн пожала плечами. Мол, кто их разберет!

Все точки над «ё» расставил все тот же старичок. Алчно вытягивая из сапога охотничий нож, он прямым ходом направился к Змею, до сих пор лежавшему без сознания.

– Так вот же он, колдун оборотный, лежит! Смердит шкурой своей зеленой! Ща мы его освежаем! На базаре за его шкуру все десять золотых рублей можно выручить!

– Так! Стоп! – Я встала грудью на защиту бедного Афона. – Это никакой не колдун, а... брат мой заколдованный!

– Врешь, бесстыжая! – Вредный старикан тут же развенчал меня из героев, записав в лгуны и сребролюбцы. – Поди, сама решила енту тушу на ярмарку свезти? Да только ничего у тебя не выйдет! Не зазря мы этого ирода с его кошмарами

столько лет терпели!

— Да с чего вы взяли, что это он в ваших кошмарах виноват?! — вспыхнула я. — Мы с ним только вчера к вам приехали! Мальчика спасли! Помните?!

— А вот снова ты брешешь, лахудра крашенная! — не унимался склочный дед. — Ты вчера приехала с толстяком кудрявым!

— Кхм! — наконец-то решила вступить тетя. — К моему большому сожалению, это я виновата, что кудрявый толстяк выглядит так непрезентабельно. Я его просто... немного заколдовала.

Ох, не надо было ей это говорить! Благодарные жители разом замолчали, отхлынули от нас подальше и тут же вооружились кто чем смог.

— Ага! Попалась ведьма страшная! — обрадовался старикан. А зря. Жаль, он тетиных боев без правил не видел и потому так бесстрашно решил рискнуть своим последним зубом. — Бейте ее, братья! И подельницу ее! Крашеную!

Нет, ну гад! Кого угодно ведь достанет!

— Между прочим, это мой натуральный цвет! — Ярость, затмевая разум, свилась в груди в тугой комок. «Братья» этого старого придурка, вместо того чтобы поддержать его шовинистские призывы, какое-то время испуганно тарасились в небо, где быстро сгущалась темно-лиловая туча, а когда сверкнувшая молния поставила дыбом седые вихры деда, и подавно бросились врассыпную. — А вот теперь в расчете! И

не рыпайся на нашего Змея Подгорного!

Старик выдохнул белесый дымок и, пугая переливчатым воплем окрестности, бросился прочь, не разбирая дороги.

– Наши победили? Теперь уже можно вставать? – подал голос притворщик Афон.

– Теперь уже нужно бежать! – поправила его тетя и посмотрела на меня. – А с тобой, доня, нам надо поговорить. Оччень серьезно поговорить!

О чем таком серьезном хотела поговорить со мной тетя, я в то утро так и не узнала. Приняв напутствие Мафани за команду к действию, Змей вскочил, расправил болтавшиеся за спиной на манер плаща крылья и, взяв разгон, взлетел, не забыв подцепить меня лапами за шиворот. Я тут же провалилась в широкий ворот рубахи, одолженной мне дедом Олесем. Чтобы окончательно не выпасть из трещавшей по швам одежды, я сцепила руки на шершавых лапах Афона и по-черепашьи втянула голову, стараясь не смотреть вниз.

– Эй, ирод! Меня забыл, вертай назад! – возмутилась тетя, провожая нас взглядом, но Афон обладал прекрасной памятью и, как ни крути, был весьма на нее зол.

– Извини, Премудрая, но я двоих не потяну, так что давай догоняй! Ножками-ножками! Раз-два, раз-два! Еще вперед нас у Олеса очутишься!

– Ну ладно, соколик! Лети! Мы потом из твоих крылышек плащ-палатку смастерим. Чтoб не дуло! – пригрозила тетя

улетающему вместе со мной в рассвет Змею. Я смотрела, как ее заслонили собой сначала камыши, потом деревья. А когда мы поднялись еще выше, я даже заметила вдалеке ошестинившуюся вилами да топорами ватагу местных жителей, возвращавшуюся назад.

Ого! Надеюсь, тетя уже открыла переход, чтобы быть подальше от этого озера, в тот момент, когда они дойдут?

Пока я раздумывала, как привлечь внимание Змея и при этом не рухнуть с уже довольно большой высоты, картинка сменилась. Мы оказались над приютившей нас усадьбой.

Бережно опустив меня на землю, Змей коротко приказал: – Быстро собирай вещи, а я оседлаю Борьку. Встречаемся во дворе!

– Не знала, что у нас с тобой есть вещи! – Почувствовав под ногами надежную твердь, я поправила рубаху, поддержала упрямо сползавшие штаны и попыталась возразить: – Хочешь просто взять и сбежать? А как же тетя? Дед Олесь? Митяй?

– Дед Олесь и Митяй только спасибо скажут, когда местные драконоборцы не найдут нас в их доме. А тетя твоя не пропадет! Та еще мымра ста... – Змей проглотил окончание ругательства, каким-то восьмым чувством ощутив открывающийся у него за спиной переход, и елеинно закончил: – Статная и очень красивая! Теперь понятно, в кого ты такая уродилась, Васька!

– Ах ты, подхалим трусливый! – Тетя Мафа выбралась из

перехода, дунула, развеивая его как облако дыма, и направилась к нам. – Но говоришь правильно! Еще чего не хватало – время на прощания терять! Там поджаренный молнией активист такую кодлу собрал – не отмахаемся, а помирать за чужие грехи я не согласная и Ваське не дам!

Хлопнула дверь. Из дома показался заспанный хозяин.

– Это вы? Ну, слава богу, – живы! А я прям извелся! Всю ночь глаз не сомкнул! Как все прошло?

– Неблагодарные у вас в деревне людишки живут! – с ходу припечатал Змей. – Я бы даже сказал – подлые и завистливые. Вот, казалось бы, сделали мы им хорошее дело – скажи спасибо, одень, обуи, денег дай да проводи! Ан нет! Лучше вилами благодарность во всю спину прописать!

Пока Афон изливал свое негодование, а покашливающий самогонным перегаром дед пытался понять хоть слово, я отошла к бане и тихо свистнула. Борька, казалось, только этого и ждал. Послышался бодрый цокот, и мой рыжий красавец появился из-за дома передо мной как лист перед... тс-с-с... только не вслух... А то мало ли кто может появиться!

Кстати, что-то мы горбатой призрачной пародии на нормальную лошадь давно не наблюдали! Неужто отстала от Борюсика?

– Добренького утра, хозяйка! Ух, ты! Какой у меня, оказывается, красивый баритон! Вот! Как говорится, не ценишь то, что имеешь! Ну как не ценить такой голосок? Вдруг придется в опере выступать? Как думаешь, хозяйка, лучше позд-

но, чем никогда?

– Заткнись! – довольно бесцеремонно перебила я его, одним махом взлетела в седло и примирительно похлопала конягу по шее. – Я с тобой обязательно поговорю и проникнусь нахлынувшим счастьем, но только когда ты будешь от этой деревни как можно дальше!

– И что за марафон нас снова ждет? А может, останемся? Погостим? – Борька обернулся и посмотрел на меня одним глазом.

– Не получится, Борь! – Встревоженная дымкой пыли и гулом приближающихся возбужденных голосов, я настороженно бросила взгляд поверх плетня и запаниковала. – Мафания, Афон! За нами погоня!

– Ох ты ж ежик! – Хозяин икнул, приставил ладонь козырьком ко лбу и бросился в дом. Не прошло и минуты, как он выбежал с холщовой котомкой за спиной, таща за собой заспанного, упирающегося Михая. – Так, все за мной через черный ход. Попробуем сбежать!

– А тебе-то зачем бежать?! – опешила тетя.

– Да им только повод дай! – Дед заглянул под крыльцо, выудил из его заросших паутиной недр глухо звякнувший мешочек и, сунув его за пояс, быстрым шагом направился через огород к стоявшим стеной зарослям крапивы. – Они меня однажды чуть на костер не сосватали, когда чары бродячей ведьмы порушили всю семью нашего Головы! И никто не вспомнил, что я первый кричал, умолял не доверять

чуждой магии! Все мои слова перевернули с ног на голову, потому что я пусть косвенно, но связан с этим ремеслом! А сейчас я еще и вас тут приветил... Нет, живым не дамся!

– Давай мальчонку! – Не дослушав причитаний старика, Змей подхватил испуганно «мамкнувшего» парнишку на плечо и, стараясь не отстать, прибавил шаг. Следом торопливо цокали мы с Борькой, а замыкала процессию Мафаня, то и дело посыпая наши следы какой-то пылью из вышитого заковыристыми знаками мешочка.

Приближаясь к высоченной крапиве, я даже прикусила губу, представляя, какие сказочные ощущения нам предстоит испытать, но с другой стороны, тешила мысль, что разъяренные «борцы за правду» не попрутся за нами. А если и попрутся, ох и несладко же им придется!

Но как выяснилось, предстоящей схватки с крапивой я боялась зря. Ее попросту не было. Крапивы. Был качественно созданный морок. С шелестом листьев, с темной зеленью, с белесыми каплями жалящих соцветий, угрожающе висевших на толстых стеблях. Мы нырнули в нее, как в густой туман, а в следующее мгновение уже вышли... на другом конце озера?

Правильно оценив мое удивление, тетя подобралась поближе и тихо пояснила:

– Это, доню, привязанный к местности переход-скрытка. Вот согласишься, какой дурак пойдет искать пропажу в зарослях крапивы? Они, может, и дотумкают, что мы слиняли че-

рез такую вот оказию, но не сразу. А прежде чем нападут на след, мы уже будем далеко! Потому что переходы эти к тому же обладают свойством путать преследователей. Ежели, конечно, не попадется умник, способный увидеть такой переход и пройти по нему за нами след в след.

Я посмотрела на тетю, не скрывая изумления.

Во-первых, я даже не подозревала, насколько она сведуща в теории магии. Во-вторых, она никогда со мной не говорила о магии. Даже о том, как приготовить какое-нибудь безобидное зелье! Так с какого перепугу ей все это сейчас мне рассказывать? Где ее привычное «Забей, доня, и не бери в голову!»?

– Забей, доня, и не бери в голову! – Она будто прочитала мои мысли и, заговорщицки подмигнув, остановила задумчиво шагнувшего Борьку. – Давай-ка, полезай! А то в ногах ни правды, ни скорости!

Подошла к деду Олесю.

– И куда вы теперь направитесь?

– В Гать пойдем. У меня там брат двоюродный волхвом подвизается. Вместе работать станем, мальчика научим... Счастье найдется, главное – не бояться нового. А вы куда?

– Отсель не видать! – резко брякнула тетя и тут же примирительно махнула рукой. – Не со зла я, Олесь. Болит у меня в думах дорога наша. Вроде надо, а боязно...

– И куда ж это вас всех несет? – насторожился старик, обернулся, взглянул на меня и догадливо уточнил: – Небось

в царство Пепельного собрались? Слышал, племянник мне говорил. И вы еще удивляетесь, что после таких заявлений вас хотят только убить? А вдруг вы сами колдуны Пепельного и мор в наш мир несете? Слуг ему новых ищите? Из людей зомби да чудищ сделать хотите?

– Ты чего мелешь, старый? Аль самогонка и впрямь на белене настоящая? – Тетя воинственно уперла руки в боки. – Ты говори, да не заговаривайся! Я ж Марфа Премудрая! Аль забыл?

– Не забыл! Да только я еще кое-что вспомнил, что народ говорил! Освежить память? – Олесь посмотрел на нее в упор. Не дождавшись ответа, мазнул взглядом по небосводу, затуманившемуся дымными лентами пожарища, и ругнулся сквозь зубы. – Вот ведь ироды! Хату подожгли!

После его слов тетя как-то подозрительно присмирела, и большую часть пути мы проделали в молчании.

Глава 5

В конце концов я так погрузилась в непрошенные и такие болезненные мысли о Нике, что даже не заметила, как тропинка, ведущая от озера, забралась в мрачный вековой лес и запетляла меж деревьев. Затем лес так же неожиданно закончился. Мы вышли к указательному камню, стоявшему на перекрестке. На нем белой краской были изображены три стрелки с милыми названиями – Чаны, Мочище и Гать, – из которых я знала только одно.

– Ну, здесь мы отдохнем да и распрощаемся. – Олесь скинул болтавшийся за плечами мешок.

Змей уложил в траву сонного мальчонку и сам плюхнулся у камня.

– Отдохнуть я не прочь. Посидим, костерок запалим, а там, глядишь, и спать пора наступит! Переночуем и в путь.

– Какой спать! – возмутился Митяй. Сонно протирая глаза, он с подозрением посмотрел в небо. – Солнышко в зените или только-только за полдень перевалило! Кто ж при свете спит?

– И все же солнышко тебе не мешало всю дорогу дрыхнуть на моем плече! – хмыкнул Змей.

– Вы уж извиняйте, но мы с мальцом на ходу переночуем, – вздохнул Олесь. – Чем дальше уйдем от этого гиблого места, тем лучше.

– Ну как знаете, – не стал уговаривать Афон, потянулся к мешку деда, но вовремя опомнился и вежливо спросил:

– Слышь, Олесь, а у тебя попить ничего не завалялось? А то так кушать хочется, что... – И виновато осклабился. – Вот. Знаем-знаем! Международная поговорка.

– А то как же! Есть фляжка... – Тот сосредоточенно порылся в дорожном мешке и выудил искомый предмет на радость оживившемуся Афону. – С водой. И краюха хлеба.

После уточнения меню нашего скудного обеда Змей снова погрузнел. Взял краюху, отломил кусочек и сунул его в рот, не поленившись пробурчать:

– С такими попутчиками научишься жрать всякую гадость!

– Ты чем-то недоволен? – смерила его хмурым взглядом Мафа.

Видимо, вспомнив их недолгое, но аргументированно обоснованное общение, Афон потрогал набрякшую скулу и неопределенно пожал плечами:

– Да не, все путем...

Некоторое время он сосредоточенно жевал хлеб, с серьезным видом таращась на теряющуюся в лесу тропинку, точно выполнял ответственную работу. Потом, видимо, это ему надоело. Он уже было открыл рот, чтобы как-то разбавить задумчивое молчание, да так и остался сидеть, разглядывая приближавшегося к нам гостя.

– Призрак волка? Опять?!

Я заметила его чуть позже Змея, но раньше других и не смогла удержаться:

– А на него что, магия отмены не подействовала?

У кого я это спрашивала, не знаю, но мне ответили все разом:

– Если он призрак, то и не подействует. – Дед Олесь.

– Это что, и есть ваш хваленый призрак? – Мафания.

– Да он это, он! Именно его я на озере видел! – Митяй.

– А он сможет мне оппонировать в беседе о межцарственной политике? – Борька.

Ну и, конечно же, Афанасий:

– А чего такое он в зубах тащит? На узелок похоже. Может, хоть самогоном на халяву разживемся?

Волк, сообразив, что его визит не остался незамеченным, сбавил обороты и, поглядывая то на одного, то на другого, остановился, когда до облюбованного нами камня оставалось шагов десять. Выплюнув узелок на землю, он совсем по-человечески утер лапой лоб и заговорил:

– Нет, ну я так не могу! Ну что вы смотрите на меня как на чудо-юдо морское? К тому же с некоторыми из вас мы сегодня уже как минимум виделись!

– А почему ты человеком не остался, как сестрица твоя? – вместо приветствия поинтересовалась я, разглядывая черную с серебристым подшерстком шкуру. При дневном свете он казался вполне реальным волком.

– Нет, ну если вас так смущает мой вид... – Зверь вдруг

поднялся на задние лапы. Его тело принялось меняться, лапы выпрямляться, шерсть втягиваться, а голова сплющиваться. Вскоре перед нами стоял совершенно обнаженный черноволосый парень лет семнадцати.

Ойкнув, я поспешно отвернулась, зато тетю Мафу факт его наготы совершенно не смутил.

– И что это значит? – Она шагнула вперед. – Новый класс призраков-волкодлаков?

– Вообще-то я в школу не ходил, – смутился гость. – Батя меня дома премудростям всяким обучал. Сами понимаете, с моей второй натурой мало кто меня в школу возьмет. – Он наклонился и, подхватив поклажу, принялся колупать узел. – Не против, если я портки надену? А то в волчьей шкуре как-то привычнее голышом бегать.

Наконец узелок поддался. Парень выудил серые холщовые штаны, такую же рубаху и быстро оделся.

– Я, собственно, чего вас догонял... – Недолго думая он уселся у указательного камня точнехонько напротив деда Олеся и Змея, покосился на нас с тетей и полностью развернул узелок, являя нашим взорам расписанную узорами скатерть. Три раза стукнув по ней, парень буркнул: «Все, что есть в печи, на стол мечи», – и стал ждать.

Несколько мгновений ничего не происходило, затем на скатерти, точно грибы, стали вспучиваться свежайшие яства. Чего тут только не было! И печеные перепела, и яйца, и пирожки, и яблоки, и даже перышки зеленого лука!

– Дело у меня к вам от бабушки. Ну и от сестрицы тоже... в благодарность вот вам еду доставил, как они и велели! Ска-терть-самобранка.

– Видали мы их благодарность! И тебя с папашей твоим тоже... видали! – Тетя не утерпела сидеть где-то в сторонке, подошла и, бесцеремонно подвинув Афону, уселась рядом. – И то, как на нас фанатиков науськали, мы тоже видали!

– Это уже, мамаша, не мой косяк! – открестился паренек. – Не нужно было при всем честном народе единственному проповеднику волосы дыбом ставить!

– А не надобно на наше единственное средство передвижения рот разевать! – не успокаивалась Мафа.

– Чего это – единственное? А я?! – возмутился Борюсик, но тетя его, кажется, даже не услышала.

– Да ваш проповедник вон его, – Мафа указала на Афону, скромно разглядывавшего зеленоватые когти, – нашего друга, почти что брата, Змея Подгорного, – чуть на рынок не свез.

– Да ладно! Брата?! – От таких речей Афон едва не поперхнулся от неожиданности и даже выпучил глаза, тут же забыв о маникюре. – А с каких это пор теперь за честные высказывания братьевьев крутят волчком и мордой в землю тычут?

– А с тех самых, что надо десять раз подумать и один раз сказать, а не один раз ляпнуть и всю жизнь за это получать! – мгновенно переключилась на него тетя.

Понимая, что переспорить эту ведьму не стоит и пытаться, Змей приуныл и примиряюще поднял руки:

– Ладно, ладно! Я понял. Язык мой – враг мой.

– Это точно! – припечатала Мафа и переключилась на гостя. – Значит, папаня тебя к нам подослал? Решил напоследок накормить от пуза, а дальше пушай топают да не возвращаются? Так, что ли?

– Ну, не совсем. – Паренек, лукаво взглянув на нее, уткнулся с самобранки жареную куриную ножку и впился в нее зубами. – Вообще-то ваш подарок не еда, а эта скатерть-самобранка! Батя ее из Пекельного мира стибрил! Ну, когда ходил на поклон к ихнему повелителю, обо мне просить.

Дед Олесь, Митяй, Борька и Змей многозначительно переглянулись, а тетя покосилась на меня, видимо, опасаясь, что я начну биться в истерике от слова «Пекельный». Но я невозмутимо сунула в рот взятый на пробу пирожок и принялась жевать. Удовлетворенно хмыкнув, тетя воспользовалась затишьем и, утащив колечко колбасы, придвинулась к волку.

– А вот теперь, как тебя там, с этого места и во всех подробностях!

Наши спутники тоже почуяли сенсацию. Удобно расположившись вокруг самобранки, они дружно налетели на угощение, не забывая высказывать пожелания:

– Рассказывай, да только с объяснениями! Все ж и я там был, может, чего вспомню! – Змей в предвкушении носталь-

гии по прошлым геройствам свистнул индюшачью ножку, крынку молока и посоветовал: – Имена и названия не про-пускай!

– Можно и без названий! – Борька погарцевал вокруг нас и, не найдя свободного места, улегся у меня за спиной, не забыв перед этим ухватить зубами здоровенный ломоть хлеба. – На кой они мне, если я, в отличие от некоторых, все равно там не был?

– Главное, подольше, юноша! И поподробнее! – Дед Олесь поспешно прикусил зубами румяный пирожок, вытянул из сумы рулон тонкой берестяной бумаги, вооружился огрызком карандаша и пробубнил: – А фа вами вапифывать фтану! Йа Вехь все-хахи... эм... ой... поосторожней, внучок! И так с зубами в моем возрасте не ах...

– Только чтобы сказка не страшная была! – Недолго думая Митяй выдернул у деда из зубов пирожок, оставив ему от угощения хорошо если четвертинку, и сам с жадностью засунул сдобу в рот, предварительно разрешив: – А пусть даже и страшная! Я не бояка! Так же, дед?

– Ну... так-то да! – Олесь задумчиво потрогал передние зубы, словно сомневаясь в их наличии после такой дележки, и взглянул на гостя. – Начинай. А то дело к вечеру, а нам до Гати еще идти и идти!

– Мое имя от рождения – Фома. А что касается тайн и подробностей – здесь все просто. Вы думаете, что я – волк-призрак, порождение страшного колдовства? – Паренек оглядел

всех нас по очереди и как-то уж больно невесело улыбнулся. – Если бы это было так, наверное, это было бы лучшим, что только могло со мной произойти. Но нет! Я никогда не был призраком. В этом-то и проблема нашей семьи. Начну с предыстории. Как известно, пост сельского Головы переходит от отца к сыну. Если у Головы нет сына, совет старейшин избирал нового вожака после пятнадцати лет правления. В нашем роду это правило также не было исключением. Пост Головы принадлежал нам больше ста лет, до того, как его занял мой отец. К огромной печали, боги отчего-то невзлюбили моих родителей, долгое время не давая детей. Только благодаря молитвам матери лишь на десятый год после свадьбы у них родилась дочь – Анна. Сразу же после ее рождения повитуха сообщила отцу, что у его жены больше детей не будет. Некоторое время отец хранил эту новость в строжайшей тайне, пытаясь смириться с тем, что больше никто и никогда в нашем роду не станет носить чин Головы. Но вот однажды в село пришла ведьма. Многим она помогла. Кому советом, кому исцелением, а кому и благополучными родами. Наконец и отец решился нанести ей визит. Просьба его была проста: что сделать, чтобы его бесплодная жена понесла и через положенный срок подарила ему сына?

Рассказчик замолчал, оглядел притихших слушателей и остановил взгляд на мне.

– И ведьма помогла. Указала ему дорогу к Пепельному, посулила помощь, но предупредила, что, если отец не вос-

пользуется даром, тот заберет к себе в услужение всю его семью.

Мы слушали затаив дыхание. Рассказчик снова ненадолго замолчал, обреченно покачал головой и уставился в траву.

– Что случилось дальше, я думаю, вы уже и сами догадались: отец был тверд в своем желании. Добравшись в мир Пепельного, он рассказал ему о своей беде, и тот дал отцу снадобье, которое должна была выпить мама. Но в обмен на одну незначительную услугу.

– Какую? – нахмурилась тетя, но парень только поднял руку, показывая, что он еще вернется к подробностям, и продолжил:

– Как вы видите, – снадобье сработало. В положенный срок родился я, да только вот незадача, в первое же полнолуние я обратился в волчонка. Вскоре у меня появилось много талантов – от исчезновения до левитации и различного вида колдовства. Отец хранил мою тайну сколько мог, пока однажды, лет шесть назад, я не превратился в волка и не напал на мать. Я этого не помнил, но когда пришел в себя, увидел то, что никогда не смогу себе простить и уж тем более забыть.

Молчание рассказчика на этот раз было долгим, но мы терпеливо ждали. Наконец он продолжил:

– Тело матери мы с отцом похоронили на заднем дворе. Даже сестра не знала об этой трагедии. А наутро, чтобы защитить меня, отец всем сказал, что его жена сбежала с трюкачом из бродячего цирка. Если бы селяне не были столь

доверчивы, они бы задумались, почему бродячий цирк, прибывший всего два дня назад, так быстро уехал, выступив лишь раз. Но отца любили и не усомнились в его горе и «предательстве» жены. А на следующий день случилась еще одна странность. В село нагрянула ведьма, благодаря совету которой на свет появился такой монстр, как я. Она поведала, что, если не победить мою зависимость от луны, вскоре в селе не останется никого. В итоге она пообещала мне помощь Пепельного. Сказала, что только он сможет сделать из меня хорошего колдуна, а заодно научить контролировать силу, уменьшив власть луны надо мной до одной-единственной ночи. Но взамен на долгих шесть лет она потребовала к нему в услужение и мою сестру. Только раз в год нам дозволялось прийти в этот мир, где нас могли видеть и слышать селяне и пришлый люд. Вчера ночью так случилось, срок моего обучения закончился, и мы с сестрой стали свободны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.